

ХУРТОВИНА.

«А що, Пётре, чи далеко заїдемо? бачь яка хуртовина, бачь якъ куєвдить! уже такъ-що й світа Божого не видно, ажъ коней збиває зъ дороги... Дивись, якъ стреляє у видъ, — чи воно крупі, чи хто ёго зна?... Ажé ти не забудь, Трохиме, якъ ище, мабуть, літъ тому шість, ми блудили съ тобою за Де́птівкою; тоді приходилось та́къ, що трохи душі не рішились... При́хали у Де́птівку, уже смеркло, а хуртовина такъ розгулялась: крутить да стріхи рве, сле́ве, Божого світу невидно. Якъ би тоді сей розумъ бувъ, що́ теперъ! Ви́хали ми за Де́птівку а темно стало, хотъ би що́ дрючѣмъ потягну́ло, то не вгледі́въ би; якъ убра́лись ми у долину, такъ ко́нямъ по чѣрево, — тільки уші́ видно, — такъ-ті́лько: плигъ, плигъ, плигъ! на-силу ми ви́брались изъ ті́єї доли́ни; а воно, вѣ-ночі, хотъ яка ма-ленька доли́нка, стане такъ якъ велике провалля. Ви́брались ми, по́ихали, — хто ёго знае куди и і́демо; а тутъ такъ при́пікає! — то було по ві́тру угадаешъ куди і́хать, а то та́къ якъ заморѣчи́ло; та сбили́сь ми на Коро́нецький шляхъ, — дивимось, ажъ лю́де і́дуть; ми тоді́ дава́й гукать на і́хъ: «скажіть, лю́де добрі́, куди доро́га на Поно́ри?» — «Э, се ви не туди по́пали: доро́га оста́лась сзаду!» Да́къ ми дава́й і́хать за ні́ми, та й переночували у Коро́нецькій; отъ, я, съ того́ часу, и за́рі́кся, — ні́ вѣ́ сві́ті не по́йду у-ночі́, якъ ху́рія на дво́рі, бо трохи не на́ложили голо́вою.

«Ти! ёго, вра́жого сина, — якъ стреляє у лі́ву що́ку! Дава́й лишъ сяду за ві́тромъ! (Пересі́въ на прави́й бі́гъ ро́звальни́въ, — звисі́въ но́ги) Отепе́рь тро́шки зати́шній бу́де. Наде́ржуй, Петро́, оглобелю́ у лі́во, бо ві́те́рь все зби́ває у-право!... Ну, вже, учора померзли ру́ки у ме́не! Коли́бъ не сти́дно, то́бъ и заплака́въ; якъ поте́рь сні́гомъ, да́къ ище й лу́чче... Дивись, дивись, зае́ць, зае́ць! отже, доро́гу пе-ребі́гъ: катя́, катя́, га-га, га-га! бачъ, и перебі́гъ! Ка́жуть, бу́де яка́сь прити́чина, не тутъ ка́жучи... Дивись, — и сівъ! що́-то сучо́го сина за зві́рь! бачъ, и не боі́тця; а якъ-би́ було́ ружжа́, тоді́-бъ и

не лучилось такъ. Хитрий звірь. Нащо ворона — инший разъ якъ за хвістъ не вхопишъ; а піди зъ ружжя́мъ, — такъ, б́сторонь, одъ тебе усе и піде.

«Ні, да й припікає! учора руки помёрзли, а сёгодня ноги... А ти, Пётре, змерзъ? — Да ще ні! — «Держи, держи у-ліво, щобъ не збитця зъ дорóги, бо такъ у слідъ и заміта, и сліду не видно! Уже, підъ таку хурú мовъ у димú усé: и млинъ тобі здаєтця такимъ чуднимъ, и дерево мовъ манія яка встала, — такъ и нависло, мовъ на тебе хоче падать. Нема вь світі, якъ літомъ! Хоть и на-полі доведетця заночувать, дакъ не страшно; иноді и р́уба сухого не буде, — порозві-шуєшъ одежу, пригріє сонечко, — не знать де й ділось, — и пішовъ далі. Літомъ, хоть и проті-ночі виідешъ, — тільки півень заспіває — и не бійсь нічого; бо то, кажуть, нічъ весела: зла тварь недуже вештаєтця; самъ перехр́істися, перехр́істишъ дорогу, та й ідешъ сміло.

«Дивись, Пётре, онъ щось чорніє?» — Да то н́ехворощъ, здаєтця! А ми якъ іхали у Коноті́ць, передъ Миколаємъ, — подушне, правда, во-зивъ, — іхавъ я, та ще Санб́ірськихъ чоловіка два, виіхали за Сан-б́ірь; сижу я собі, — тільки стали доїздить ось до першого ярка, — зиркъ на-бікъ, дивлюсь — два вовки, такъ якъ дві тичини, стоять; ми на їхъ: тю, тю, тю! а вони, хочъ би тобі зъ місця р́ушили. Покійний Лисько́ (уже було якъ ідешъ изъ нимъ, дакъ не задрі-маєшъ, якъ стане розказувать, може щó збреше, а щó й правду скаже, — да вже було инший и правди такъ гладко не розкаже, якъ вінъ бу́ло збреше: уже чистобр́еха бувъ покійний!) розказувавъ, що у вовківъ єсть свій богъ — *Ригорій*, каже. Пасли пастухи, а далі пішли у лісь, дивлятця: стійло збито коло дуба; щó воно за-знакъ, що коло дуба такъ стопц́evano? А одинъ парубокъ и обізвавсь: щó дастé? я переночую на сімъ дубі! Отъ, злізъ на того дуба, узявъ — привязавъ себе́ поясомъ до дерева, та й сидить; тільки такъ, якъ у глупу — нічъ, приходить чоловікъ у білому б́дягу, поназб́ігалась сила вовківъ — вінъ и давай ділитъ: ти піди т́е візьми, ти піди, — т́е, ти піди до удові — у неі одно порося, да й т́е візьми. Остаєтця старий: а тобі т́е, щó на дубі! — Розсвіло, това-риші и приходять. «Отенерь же, пропавъ я!» — якъ? — Вінъ и роска-завъ імъ усе. — Да ну, годі, ч́ор-зна чого боятьця! — Стали ночувать на другу нічъ; узяли — полягали усі головами на того парубка; уста-ють у ранці: тільки одні кістки валяютьця; звісно — с́ужене: не чуєсся, якъ тебе й розі́рве, и другі не почують. Вже на-щó, годівъ тому

три, поїхали ми зъ батькомъ за копами на-нічъ, виїхали до Корсунки, наклали ячмѣню на візъ, (та й ячмінь ще добрий бувъ тоді); корови пасутця, а ми полягали спать, — думка така щобъ світомъ до дому; батько жъ заснувъ, а міні усе не спится, уже я повертався и сюди, и туди, — ні! Слухаю, коли корови чмишуть; я вставъ, бстрахъ менѣ такъ и взявъ; дивлюсь — нічого не видно, а корови все чмишуть; я тоді до батька: тату! о, тату! тату! чи ви спите? — А чого? Та поїдьмо до-дому, щось корови не ідять!» — То й запрягай, и поїдьмо. —

Запрягли; на вѣзѣ положили півтори ячмѣню (та й ячмінь же добрий!) а вони такъ идуть, такъ идуть; проїхали, такъ-сказать, гонівъ зб двоє; стали, ось, такъ якъ противъ Голубової-верби, — тільки воно: ме-ме-ме! Батько на мене поглянувъ, да й мовчить; а міні зда-лось що діяконъ стереже конопель, та книжку читає, — такий синъ, коли брешу! Се, кажу, діяконъ стереже конопель у полі; дакъ, видно, читає книжку, щобъ не скучно було. Тільки воно зразу: ме-ме, ме-ме, ме-ме! Я тоді, собі на думці: добрий діяконъ! а вовки напали на теля, — що тутъ-же и люди ночували! — сказать-що коло самого вѣза ззли назімка живого: — такъ якъ укусне одинъ, то воно тільки: ме! другий кусне, то воно — ме-ме! Такъ живого и ззли. Батько каже: «одпустімъ корову, до вона одніме:» дакъ побоялись. Уже якъ гуртова скотина, дакъ ні въ вікъ-вічний не візьме вовкъ; скотина стаювитця задами у середину, а коні мордами у середину; и свині гуртової не візмуть. Покійний дідъ, Микіта, розказувавъ, що набігъ вовкъ на табунъ гуртовихъ свиней; вони його якъ напьяли, одна и попінала: дакъ того вовка и розирвали другі вовкі.»

— Постой, Трохіме, и я тобі розкажу: ище покійний мій батько бувъ живий, — поїхали ми на гречку оратъ; орали ми у Сідькових-могилокъ; стали ночувать, волівъ поодпрягали да й полягали. Тільки ставъ я очима зводить, чую щось: хрю-хрю, хрю-хрю, хрю-хрю; я підвівсь, — дивлюсь: такъ якъ гонівъ двоє сидить свиня на задніхъ ногахъ, а воно — щось якъ розженѣтця, да якъ витягнетця, да такъ прожогомъ до свині, — то вона тоді — хрю-хрю, хрю-хрю, та до ёго риломъ; то, отсе, свиня якъ поженѣтця, воно тоді назадъ, зогнетця, да скорчитця, да тоді, впьять, якъ випрямитця, та до свині, — то свиня такъ и сунетця до ёго. Я тоді: «тату! тату! о, тату! чи ви чуєте, що воно такѣ!» — Да то лисиця граетця изъ свинею. — Дакъ и не абі-якажъ и свиня: — нічого и не вдіявъ. На другий вже день батько каже: — то не лисиця, а вовкъ; се я тобі не

казавъ, щобъ ти не лякавсь. — А вона, сучого сина свиня, одбилась одъ черідки. Якъ би вовкъ піни не боявсь, то вінъ би її не помилювавъ. —

«Отже вітеръ бувъ у лівий бікъ, а теперъ прямо, у пику. Постої лишъ, здаєтця, собаки гавкають! Держи, Петре, оглобелю, бо такъ и збиваетця. — Уже воно якъ чоловікъ розумний, то любо й словомъ перекинутця; та якъ и скотина придастця гарна!.. Була вь мене кобила ворона, — пусти їй віжки, сама такъ и простує, а де була разъ, туди такъ и верне, — вже не забуде, ні вь-бікъ. —» Ти кажешъ, Трохиме, кобила: — нащо заєць — якій! піди ти одури ёго: — якъ тільки думає лягати, такъ слідъ и заплутає: попута, попута, та тоді ступнівъ на п'ять и перестрибне, и зарвется; або птиця, отже — яке хитре: пішли ми торікъ у леваду зъ Тарасомъ; тільки утка дика лопь-лопъ-лопъ, крилами; я на Тараса: отже, утка підбита! та за нею, а вона одъ мене, а я за нею; одвела мене отъ дітей, да тоді знялась, да й полетіла. Не лихого жъ батька, яке хитре! засміялись ми зъ Тарасомъ, да й пішли. —

— Зайця тільки ноги ратують, — каже Петро: — кого вінъ не боїтця! и чоловіка, и вовка, и лисиці. Разъ ми поїхали у лугъ, — тільки їх шість чоловіка вовківъ, якъ нап'яли одного зайця: одинъ біжить, а другі одстануть; а далі другий, якъ уляже: отъ-отъ нажене, отъ-отъ нажене; отъ, заєць у-бікъ, якъ уломить, — вовкъ и останетця. Вовкъ зайця не дожене, — хіба тагъ, лежачого нагіба. — Заєць, кажуть-би-то, наміривсь утопитця: піду утоплюсь, каже, ніщо мене не боїтця; піду самъ собі смерть заподію — утоплюсь у морі. Прийшовъ до моря; тільки жаба — плигъ! злякалась, та вь море. «Отже, вернусь: годі топитьця, — єсть таке що й мене боїтця.» Що отсі стрільці їх перенівечать! Орали ми зъ Лиськомъ надъ гайкомъ; тільки два стрільці їздять, та й їздять. Тільки десь и назірили зайця, та зразу: бухъ! та ногу й перебивъ; вінъ такъ якъ димъ, — такъ и котитця, да прямо на мене. Я їстигъ наготовивъ, — думаю собі: якъ порівняетця, тагъ ёго и вчищу. Не вспівъ и окомъ змигнуть, вінъ такъ по підъ ногами и шамнѳвъ. Отагъ, каже Лисько: упустивъ сокола зъ рукъ.

«Ти кажешъ, Пётре, що самий плохий звірь — заєць; надъ вівцю нема й пліхшого. Сміхъ та й годі: колись я волочивъ, а ватага не подалеці ходила; вовкъ и підкравсь. Я — тю-тю, тю-тю, тю-тю! а вінъ не слуха, — тагъ и кинувсь до баранця; ватага у-ростичъ, баранецъ проти ёго: тупъ-тупъ-тупъ, ногою; а вовкъ ёго за шию, — пере-

кусивъ горло, скинувъ на спину, да й помчавъ. Вівчарі за нимъ: тютю, тютю-тютю, тютю-тютю! дакъ вінъ такъ и подався до Тимошенкового ярка.

«Отже й Саранівка! (Спустились у яръ) «У яру заразъ и потіхшало, и вітеръ не той. — Привертай до шинку: нехай коні духъ переведуть, а ми трохи погріємось. Отó замело! обтруси, Петре, мене, а я тебе. (Уходять у хату) «Здорова шинкарко! Дай Боже здрастувать! — «Ну, да й питъ-же хочетця.» — «Не пий, Петре, води, — випий лучше горілки! Я звіривъ на собі, що нема й гірше, якъ води випьешъ съ холоду; а горілки хоть трошки випьешъ — и смагу проженешъ. Уже якъ Савка нашъ! вінъ не розбіра ніколи: якъ допавсь до води, такъ и дудлить; дивись, и не минетця йому, черезъ тє такъ часто и занепада. Бачъ, у шинку якъ замувало вікна!.. А дє твій чоловікъ, молодище!» — У мене нема чоловіка — Бачъ, и вклепався. — «Отсе другий разъ топишъ?» — Та дє-тамъ! уже третій. — «А ну, пора, Трохине: нерано. Якъ би давъ Богъ на-нічъ у Дептівку.» (Виїхали на Степогъ.) «Отже, хуртовина и не здаетця.» — «А куди поїдемъ?» — Паняй побіля могили... Ти кажешъ, Петре, заецъ хитрий? Надъ лисицю нема, мабуть, и хитрішого звіра! Іхавъ я у восені, — да не самъ, а зобралась валка чимала. Я дивлюсь — коли лисиця біжить; тільки зүздріла насъ, такъ и прилягла, якъ грудочка; я тоді: онъ-онъ, онъ-онъ, онъ-онъ, лисиця! — Де? — Онъ прилягла! — Дато ввиділось тобі, такъ! — Дивлюсь, коли и друга побачила, и та прилягла; а далі третя, четверта, такъ и поприлягали. Якъ тільки ми поминули, — вони тоді повставали, да такъ, стопá-въ-стопу, и біжать. Я тоді: а щó, не правда?... Да ще які здорові!... Торікъ ми зъ Тарасомъ нагібали норү лисичу, на Лізкахъ; отъ, и давай копать. Якъ почали, якъ почали! оце поведе туди, а далі въ бікъ, а потімъ прямо, а далі впьять зверне; чуємо, щось хропе; оце, думка така, лисинята; — докопались, ажъ тамъ кублó, такъ якъ собаці повернутьця; дивимось — ажъ тамъ два іжаки! Я, зъ серця, узявъ та й повбивавъ. «А вона уже вивела.»

— А то, разъ, та й видрали Царєнкови лисинять; вона, по сліду, и дойшла, ажъ до самої хати, — та все ходить. А надъ Дубиною оравъ Хведоръ Курченко. Отъ, лисиця прийшла, та й лягла, надъ горою, у борозенці. Вінъ примітивъ, та й підкравсь, — та якъ учістить їстиковъ: вона такъ и витяглась... А вона молока напругла. —

«А ну, ну, паняй, Петре, бо невидно... Міні здаетця, що пьяному чоловіку, у ночі, частій усєго лучаютьця приведенці; чоловікъ якъ

не п'є довго, та зразу почне п'ить багато, то ёму, що-небудь, и привидитця. Ажé ти чувъ, якъ Наумъ бивъ пеньки: ёму здалося що чорти... А я, такъ, якъ-би и теперъ, тверезий, якъ сёгодня знаю, на масниці,—установъ у ночі,—бачу—вітеръ;—п'їду,—кажу,—пушу млинъ. Вийшовъ на гóру, ось-такъ, якъ порівнятьця зъ Дворянскою пивою; — чую, грімъ загремівъ! зімою, та грімъ заgrimівъ? Дивлюсь—змій такъ и розсипавсь искрами, да й упавъ у Лепурчиному саду.» — Да вінъ, кажуть, часто сідає тамъ,—обізвався Петро. «Уже я злякався тоді, такъ, що й себе не знаю!» — Ніко́ли я не злякався та́къ, якъ позаторі́къ,—каже Петро. Шивъ чоботи у дворі; літомъ, дакъ лубка нестало: побіжу,—кажу,—до-дому, та візьму лубка на за-каблуки. Біжу собі,—тільки зъ конопель вовкъ, проти провалля, такъ и вискочивъ; я такъ злякався, що волося на голові такъ и полізло въ гору. Я тоді на дівчатъ: (а дівчата у Гудевівчині тютюнъ підбивали)—Дівчата, ось вовкъ!—Де?—Ось!—Вінъ такъ и прынувъ на гору... Да ще злякався здорово, якъ покійний дідъ живий бувъ. Поїхали гречки в'язать; у ночі, я коло дітей,—коли дідъ прибігає: «тікайте, діти, на візь!» Узивъ, та й посажувавъ на візь. А ніч була місячна. Тільки-що посхóплювались ми на візь, ажъ табунъ коней біжить — гнали вовки; отъ и погнали ажъ у Миронівъ яръ; тіжъ погнали, а одинъ перебігъ напередіми, та й засівъ;—якъ тільки порівнялись коні, вінъ якъ прискочивъ до лошака, якъ ухопивъ за горло, такъ и поваливъ! и почали тутъ їсти. Корній да Йванъ, побачивши, узяли—віхтівъ нав'язали изъ соломи,—отсе запалять, та до їхъ: то вони назадъ отбіжать ступнівъ двадцять, да тоді постають, та зубами—кляць-кляць-кляць!.. Отже, ноги стали промерзати, — давай пробідемо.

«И Санбірські млині уже манячать! Якъ собаки гавкають! чи не пробіраетця до овець собачий дядько... А ну, сідай! лучче ранше настигнемо у Дептівку... Що за славний дідъ отсей Конопляний! — якъ сяде, та якъ почне г'їтарить, и тебе пришанує и конямъ сіна по-боки. Воно бъ и до-дому можно у волю настигнуть, та дорога забитна; тамъ, за Дептівкою, по глибокимъ дорогамъ, снігу валява:—лучче рано встанемо.» — А куди поїдемо, чи прямо, чи кругомъ? — «Паняй прямо!» — Лучче поїдмо кругомъ: хто кругомъ їздить, той дома почує. Ажé, якъ питали жінки, чи скоро чоловікъ приїде: якъ поїхавъ, каже, кругомъ, такъ сёгодня буде, а якъ наврошки, то хіба завтра.

«Вжежъ, якъ придемо до діда, дакъ я заразъ на пічъ; я люблю, съ холоду, на печі попаритьця: хочъ якъ перемерзнешъ, а на печі, якъ спотієшъ, то все минетця, и здоровъ станешъ.» — А я люблю, — обіззавсь Петро, — долі, на соломі: долі, кажуть, дві волі, и рука и нога спить... А вставай, Трохиме, та одчиняй ворѳта; на пугу одъ собакъ! — (Собаки такъ и гунули, та впять назадъ) Отже, и собаки хвижі боятця, — такъ и ховаютця.» — Отже, щось иде, — каже дідъ Ничипоръ. — А вийди, Секлето! — «Та се, якісь люде приіхали, — за хвижею и невидно.» (Убігла Секлета, та заразъ и скочила на пічъ грітьця.)

«Обтруси мене, Петре, а я тебе.» (И давай тупотіть у сіняхъ.) — А Гривко ажъ двері гризе. — «Добривечіръ, діду!» — Здоровъ! — (Дідъ придивляється) — Се ти, Трохиме? бачъ, я й не пізнавъ! «Пустіть ночувать!» — Добривечіръ, діду! — Здоровъ, Петре! скидай кобенякъ. — Ну, дай хуга жъ! и світа Божого невидно... Підъ таку хвижу не одно одубіе, не тільки пьяне, а й тверезе. — Роспрягайте жъ коні, — та отамъ, у клуні, сіно. —

«Иди, Петре, роспрягай, а язъ дідомъ табакі понюхаю... А дай лишъ діду табакі.» — Біжи, Марку, до Тимоша, позичъ табакі. Отсе якъ-разъ не стало, а міні вже якъ нема табакі...! Устанешъ у ночі, сядешъ на припічку — отсе мое місце, — разівъ десятокъ понюхаєшъ, и мислі розибьєшъ; — звісно, старому не спитця, а друге те — и думки... Сідай, Трохиме! — «Ну, въ тебе, діду, и собачкі!» — Бачишъ, Трохиме, — одъ поля живемо, звірі тягаютця. — «Та и въ насъ, сю зіму, у Мусія Нагірного потягнули свиню.»

— Не чого й вовки ходять у село, — почавъ дідъ: — може воно й брехня, дакъ и я буду брехать, — а може воно колись и правда була, та теперъ за брехню править... Собаки та й зробили договѳръ зъ вовками, щобъ вовки у село не ходили; вовки й дали росписку собакамъ, що уже, бачъ, вони не будуть ходитъ у село. Отъ, собаки та й отдали сю росписку, на схѳванку, котамъ, а коти мишіамъ, а миші, возьми, та и ззіжъ! Отъ, и завелась сварка: собаки на котівъ сердитця, а коти на мишей, — а вовки все-таки ходять у село; якъ тільки собаки скажуть вовгамъ: а чого ви ходете у село? ви жъ дали росписку! — дакъ вовкі и кажуть: «а покажіть росписку!»

(Уходить, Петро, выпрігши коней.) «А щѳ, постановивъ коней?» — Постановивъ, діду! — И сіна підложивъ? — Підложивъ! — А, ну, лишъ, стара, чи буде намъ щѳ вечерять?... А моя стара да хоче мене покинуть!... — Якъ-то, діду, — каже Трохимъ: — я заходивъ до тебе у

хату, ідучи у Конотіпъ, — дакъ баба журилась за тобою: «поіхавъ», каже, «мій старий, — колибъ не змерзъ, бо на-дворі хурá піднялась.» — Тó вона при людяхъ та́къ каже. — (Усміхнувся Ничипоръ, да й поглянувъ на стару.) — Ти вже зъ жартами своїми, старий!... — Усе у людяхъ: учора гребенівъ уводили, а сёгодні веретена запрядали, — видно, хоче собі молодого підчипити. — (Зареготались усі.) — И почавъ витрибіньковать! узявъ би лучче та людей почастувавъ. — А ну лишъ, дочко, бери настільникъ, та накривай стілъ; клади хлібъ, ложкї, та станови борщъ. — (Дідъ бере пляшку, чарку, и насипá.) — Пий, Трохиме! — У хазяїна у рукахъ, у хазяїна и въ устахъ. — Будьмо живі, та Богу милі! — (Випивъ дідъ.) — Колись и дешевша була горілка, та міцніша... Нехай же въ гóроді, що подешевшала, а въ насъ и подорогшала, та погана така: иноді ажъ кисла, ажъ живіть обдима: тілко звáніе, що горілка. — (Сказавъ и сплюнувъ дідъ.) — Ну, пий, стара: гості будуть та й підуть, а ми съ тобою вікъ зжили! — (Почастовавъ дідъ Трохима, а потімъ — Петра; посідали за стілъ.) — А ну лишъ, стара, чоловікъ на́дній носі не ходить, а на двохъ: наливай лишъ по дру́гій! — Пошли, Боже, вікъ, здоровье и спасеніе! — (Випила сама, — тоді старого почастовала, а тоді вже гостей. Поїли борщъ.)

— Подавай іще тамъ, що ё! Випий три, да й усі протри, пословиця говóритця; наливай лишъ по третій!... — Чому ти, дїду, кобили не пере́мїнишь? У мене уже, після тиеі, що на Чёсного (¹). купивъ, — друга. «А на́ що міні пере́мїнять? Міні кобили не гризти. Міні, якъ и ся возить, дакъ и дóбра.

(Повечеряли, випили на-поту́ху, стали дякувать:) «Спасибі Господу-Богу, Матері Божій и всімъ святимъ, за хлібъ, за сіль и за вечёрю; и тобі, дїду, и тобі, бабо, и тобі, Марку, и тобі Секлето!» — Богу милосердному! —

— Дакъ ти, дїду, їздивъ у Мельню?

— Та їздивъ: купивъ тамъ дощокъ съ пьятъ! Думка така, — якъ прійдетця поміра́ть, дакъ ні-сь-чогó буде и домовини збитъ. Я вже домовину готую, а вона, не бійсь, молодого собі шукає...

— Стеліть соломи: хто ляже до́лі, а я на полу, а ти, стара, на печі... «Та же-жъ!» — Баба тоді й хвабра, якъ на печі. Подавайте сюди онучки, та ўстілки, я́положу на кóмні, то вони висохнуть. —

(¹) На Чесного, значить — на Воздвиженіе.

(Помолились Богу, полягали де-кому припало.)—Тушінь же й каганець.—

Трохимъ и Петро такъ и захропли, мовъ побиті; а тамъ, за-спувъ и дідъ, понюхавши разівъ съ-пять табаки. А хуртовина все завиває, та порощить у вікна; вже й людъ, утихомиривсь, а вона все насвистує, та все дѣрготить вікнами. Спить людъ Божий, кому припало тепло; а инший, у кого думка думку пошибає, той и не спить, та повертуєтця зъ боку-на-бікъ; та не спить той, кого за-стигла хвижа, у полі: хукає собі у руки, та стукає ногами, повертаєтця зъ своєю скотиною, мовъ той червякъ у кучугурі; ажъ засапа лась Булана, та повертуєтця у заметахъ,—поспішаєтця до-дому, бо и їй хочетця у затишку, у хлівці, задрімати. Уже й собаки не чути на селі, хиба, де-небудь, зла тварь пробіраєтця для своєї поживи.

Нічъ-мати усіхъ пригорнула; тільки зайчинокъ-стрибайчикокъ, обгризує молодії пагонці на вишняхъ, да й той козирить ушима, щобъ не попасти у слопець. Заспівали треті півні; уже старий устававъ тричі, посидівъ на припичку, понюхавъ табаки, та й опьять задрімавъ. Тутъ и стара давай бухикать; а тутъ и бабина унука заходилась плакать; заворушились усі. Уже и Трохимъ про-кинувся. — А що, діду, чи унишкла хуртовина?—Та унишкла: уже тихо стало, и морозець малий; після хуртовини, на дощъ переве-лось; а передъ-світомъ морозець ухопивъ. Теперъ такъ, якъ ли-стовимъ жалізомъ покрило снігъ...

— Міні, Секлето, снилась Тимошенкова Настя,—озвалась ба-ба:—здаєтця, я бачу, що у її дворі огонь: такъ поломья и підні-маєтця, и піднімаєтця стовпомъ; а потімъ—димъ! такий димъ, та-кий димъ, да кучерявий—такъ и качаєтця по землі.—Кажуть, бу-де якесь диво,—обізвалась Секлета.

(Засвітили каганець; де хто лежить; Секлета на гребині пряде.)

— Скільки не лежать, а треба вставать,—каже Трохимъ.—Пора й до-дому братця. —

— Чого ви такъ поспішаєте? Іщебъ поснідали, — каже дідъ.

— Та спасибі! їсти не хочетця.—Прощайте жъ!

— Спасибі-жъ вамъ за хлібъ, за сіль, и за вашу ласку! дай, Боже, вамъ здоровья! —

— Богу святому дякуйте!...

Степанъ Пісь.

Село Понори, Черніговського
повіту. 1860.

ТРИ ПИСЬМА О ПЧЕЛОВОДСТВѢ.

Помѣщаемыя въ «Основѣ» *Письма о Пчеловодствѣ* взяты изъ полного сочиненія, подъ этимъ же названіемъ, извѣстнаго малороссійскаго пчеловода, *Як. Ив. Костенецкаго*, вполне изучившаго, собственнымъ опытомъ, эту, столь любимую и распространенную, въ нашемъ краѣ, отрасль сельскаго хозяйства. По отзыву людей, близко знакомыхъ съ предметомъ, *Письма о Пчеловодствѣ* представляютъ замѣчательнѣйшее у насъ явленіе, и въ теоретическомъ и въ практическомъ отношеніи. Сочиненіе нашего пчеловода можетъ служить чрезвычайно-полезнымъ руководствомъ для любителей и хозяевъ, и потому редакция «Основы» приобрѣла все сочиненіе и намѣрена издать его отдѣльною книгой въ теченіи настоящаго лѣта.

Въ помѣщаемыхъ *трехъ письмахъ*, г. Костенецкій излагаетъ многія собственныя наблюденія надъ природой и дѣятельностью пчелъ, и свою новую гипотезу о таинственномъ и самомъ спорномъ вопросѣ въ жизни этихъ насекомыхъ—«о взаимномъ отношеніи и свойствахъ трехъ членовъ пчелинаго семейства»,—при чемъ разбирается существующія, до настоящаго времени, теоріи иностранныхъ и нашихъ пчеловодовъ по этому любопытному предмету.

ПИСЬМО II.

ПЧЕЛИНОЕ СЕМЕЙСТВО: матка, трутни, рабочія пчелы. Дѣланіе пчелами меда и воску. Рожденіе пчелъ. Пренія гипотезы о половомъ отношеніи существъ пчелинаго семейства. Моя объ этомъ гипотеза. Гипотеза Дзирзона.

Подобно нѣкоторымъ другимъ насекомымъ, пчелы живутъ большимъ семействомъ, заключающимъ въ себѣ иногда до сорока и болѣе тысячъ существъ. Каждое семейство живетъ отдѣльно, дружелюбно и имѣетъ свою общую собственность, но не имѣетъ никакихъ сношеній съ другими семействами и даже враждебно одно другому, такъ-что ежели внезапно соединить между собою два семейства, то между ними произойдетъ драка, могущая уничтожить оба семейства. Пчелиное семейство состоитъ существъ изъ трехъ видовъ: матки или царицы — всегда одной; нѣсколькихъ тысячъ рабочихъ пчелъ и множества трутней — странный тройственный составъ, какого, сколько извѣстно, не имѣютъ никакія другія животныя.

Матка, пожалованная пчеловодами въ царицы, отличается отъ рабочихъ пчелъ и трутней видомъ и величиною. Единственное, до-сихъ-поръ подсмотрѣнное пчеловодами, ея занятіе есть—класть яички въ ячейки. Она несетъ два рода яичекъ: пчелиныя и трутневья, — послѣднія нѣсколько болѣе первыхъ. Въ сотахъ три вида ячеекъ: обыкновенныя пчелиныя, трутневья — нѣсколько шире пчелиныхъ, и маточныя, имѣющія видъ жолудя, или наперстка. Матка кладетъ яички или сѣмена во всѣ три вида ячеекъ; хорошая, или добрая, матка кладетъ каждый рядъ яичекъ въ назначенныя для нихъ ячеи и всегда по одному, дурная же (дѣлаетъ безпорядокъ) кладетъ въ одну ячейку часто по нѣскольку яичекъ, или и во-все не кладетъ пчелиныхъ, а одни трутневья. Другаго какого-либо занятія матка не имѣетъ или, по крайней мѣрѣ, до-сихъ-поръ болѣе не открыто. Она очень рѣдко вылетаетъ изъ улья, только во время роенія, и изрѣдка на *проштуру*, будучи еще молодою. Она имѣетъ жало, но рѣдко его употребляетъ, развѣ будучи раздражена до-крайности. Одна матка ненавидитъ другую, и если ихъ въ одномъ семействѣ случится двѣ, то онѣ дерутся до-тѣхъ-поръ, пока одна не убьетъ другой. Почти всѣ пчеловоды приписываютъ маткѣ неограниченную власть въ семействѣ и разныя, даже умственные свойства, отъ которыхъ будто бы зависитъ все благосостояніе семейства; но, по моему мнѣнію, въ этомъ взглядѣ много фантазій. Матка живетъ долѣе пчелы, (которой вѣкъ менѣе года), отъ пяти и до восьми лѣтъ; въ молодости бываетъ цвѣта темнаго, а подъ старость—желтѣетъ.

Отъ качества матки зависитъ все благосостояніе пчелинаго семейства: если въ немъ будетъ дурная матка, т. е. такая, которая или вовсе не кладетъ яичекъ, или кладетъ однѣ только трутневья, то семейство это непременно скорѣе уничтожится. А потому пчеловоды прежде всего должны знать основательно всѣ тѣ признаки, по которымъ узнается качество матки. По наружному виду матки, нельзя узнать ея достоинства: оно узнается только по ея дѣйствіямъ. Но такое знаніе не легко, и составляетъ еще секретъ для многихъ пасичниковъ, не изучившихъ этого предмета отъ образованныхъ пчеловодовъ. Читая иностранныя руководства къ пчеловодству, убѣждаешься, что не только прежде, но и въ настоящее время, иностранные пчеловоды неимѣли никакого понятія о разныхъ качествахъ матокъ. У насъ же, можно сказать, всѣ примѣты, по которымъ узнаются добрыя и худыя матки, подсмотрѣны окончательно и до-того вѣрно, что для

ученаго и опытнаго пчеловода это не составляет уже никакой трудности. Честъ всѣхъ этихъ наблюдений, систематическаго ихъ изложенія и практическаго распространенія между пчеловодами, безспорно принадлежитъ нашему Прокоповичу, который своимъ ученіемъ о разныхъ качествахъ матокъ и вѣрными способами исправленія дурныхъ пчелиныхъ семействъ, разогналъ бывшую до него тьму въ пчеловодствѣ и указалъ совершенно новый и вѣрный способъ выгоднаго веденія пасеки.

Всѣхъ матокъ, по ихъ происхожденію, можно раздѣлить на два рода: на *натуральныя* и *свищевыя*, или самовыпложенныя. Первые рождаются естественнымъ образомъ, отъ сѣменъ, положенныхъ въ маточники самими матками, а вторыя, — въ случаѣ лишенія матки, — производятся уже пчелами изъ сѣменъ, или яичекъ, первоначально предназначенныхъ для рабочихъ пчелъ. Такъ-какъ яичекъ этихъ нельзя переносить съ одного мѣста на другое, то маточники этихъ матокъ, дѣлаемые изъ пчелиныхъ ячеекъ, бываютъ не на ребрахъ сотовъ, какъ это обыкновенно бываетъ у природныхъ матокъ, но на пластахъ. Натуральныя и свищевыя матки, по качеству своему, раздѣляются на *добрыя* и *трутневыя*. Добрыми матками признаются тѣ, которыя кладутъ пчелиныя и трутневыя яички сообразно времени и потребности и содержатъ въ должномъ порядкѣ все пчелиное семейство; трутневыми же считаются тѣ, которыя кладутъ одиѣ только трутневые яички, или вовсе никакихъ. Матки бываютъ трутневыми или по природѣ, или отъ приключеній: отъ старости, увѣчья послѣ драки и отъ болѣзни; поэтому и добрыя матки впоследствии дѣлаются трутневыми. Пчеловоды-писатели утверждаютъ, что матка въ брюшкѣ своемъ имѣетъ два отдѣленія: одно для пчелиныхъ яичекъ, а другое для трутневыхъ. Свамердамъ и Кристъ утверждаютъ, что въ лучшіе микроскопы можно примѣтить, въ яичникѣ матки, двѣ вѣтви яиць, одну трутневую а другую пчелиную. Но я не думаю, чтобы это было совершенно такъ, и полагаю, что въ происхожденіи яичекъ того и другаго рода есть тайна, еще никѣмъ неразгаданная. Такъ я заключаю изъ того, что матка, при неблагополучіи своемъ, теряетъ всегда способность класть только пчелиныя яички; но еще никогда не замѣтили, чтобы матки, способныя класть пчелиныя яички, были бы не въ состояніи класть яичекъ трутневыхъ. Свищевыя, или самовыпложенныя, матки производятся пчелами при двухъ случаяхъ: во 1-хъ, когда онѣ по какимъ либо обстоятельствамъ лишаются сами нечаянно своей натуральной матки, и во 2-хъ, когда пче-

ловодъ отбираетъ ее у нихъ при дѣланіи насильныхъ роевъ, или для другой надобности.

Трутни — второй видъ существъ въ пчелиномъ семействѣ. Они больше рабочей пчелы, отличаются отъ нея наружностью, имѣютъ совершенно другіе органы и неимѣютъ жала. Они рождаются изъ яичекъ, положенныхъ маткой въ ячейки, собственно для нихъ предназначенныя, которыя дѣлаются болѣе ячеекъ рабочихъ пчелъ, а отъ этого и трутни бываютъ болѣе рабочей пчелы; но иногда они рождаются и въ пчелиныхъ ячейкахъ: тогда они величиною бываютъ почти равны рабочей пчелѣ. Пребываніе трутней въ пчелиномъ семействѣ есть только временное: они рождаются весною и истребляются пчелами осенью. Какое занятіе трутней?—Этого, кажется, еще никто настоящее не опредѣлилъ; вѣрно только то, что они не собираютъ меда, а ѣдятъ его готовый, собранный пчелами. Поэтому, они, не только осенью, когда въ нихъ, какъ бы уже минуетъ какая-то неизвѣстная намъ надобность, но даже и лѣтомъ истребляются пчелами, какъ—скоро сдѣлается въ ульѣ недостатокъ въ кормѣ. Вопросъ о назначеніи трутней всегда занималъ не только пчеловодовъ, но и знаменитыхъ натуралистовъ. Въ послѣднее время, трутни считаются за самцовъ, оплодотворяющихъ матку, и эта гипотеза признана на столько правдоподобною, что болѣе не дѣлаютъ никакихъ надъ ними наблюденій; но, по моему мнѣнію, это обстоятельство также сомнительно, какъ и всѣ другія мнѣнія объ отношеніяхъ между собою всѣхъ трехъ видовъ существъ пчелинаго семейства, о чемъ я ниже буду говорить подробнѣе.

Третій и главнѣйшій видъ существъ пчелинаго семейства составляютъ *рабочія пчелы*, такъ названныя потому, что онѣ однѣ производятъ всѣ работы, необходимыя для существованія семейства. Рабочая пчела менѣе матки и трутня, потому что выводится въ ячейкѣ гораздо менѣе маточной и трутневой ячейкѣ. Ячейки, въ которыхъ пчелы еще въ первый разъ вылупиваются, бываютъ болѣе тѣхъ, въ которыхъ онѣ уже нѣсколько разъ выводились, а отъ этого и самыя пчелы бываютъ менѣе или болѣе, ибо пчелы, какъ и бабочки, вышедшія изъ кокона, не растутъ болѣе. Цвѣта онѣ всегда одинаковаго съ небольшою только разницею, то темнѣе, то желтѣе; я полагаю, что пчелы во всѣхъ странахъ бываютъ одинаковой наружности, величины и цвѣта съ самыми небольшими развѣ измѣненіями, и поэтому не думаю, чтобы были различныя породы пчелъ, какъ нѣкоторые утверждаютъ. Пчелы снабжены разными орудіями, нужными для

производства работъ. Изъ нихъ первое—хоботокъ или язычокъ, находящійся надъ самымъ ртомъ, помѣщающійся въ особаго рода трубочкѣ, какъ бы футлярчикѣ, куда пчела его прячетъ когда неупотребляетъ. Хоботокъ этотъ длиненъ, остроконеченъ, гибокъ, но, какъ описываетъ Кристъ, не имѣетъ внутри отверстія, а покрытъ волосиками на подобіе лисьяго хвоста, и потому пчела не втягиваетъ имъ медоваго сока, а слизываетъ его изъ цвѣточныхъ чашечекъ. Кромѣ хобота пчела имѣетъ на головѣ межъ глазъ два *усика* или *щупальца* служащіе ей какъ бы осязательными органами; *клещи*, состоящіе изъ двухъ зубовъ, довольно твердыхъ, которые также составляютъ пособіе въ ея работахъ. Она имѣетъ четыре крыла и шесть ногъ, состоящихъ изъ нѣсколькихъ членовъ. На обѣихъ парахъ заднихъ ногъ находится, на каждой, по *щеточкѣ* или небольшому четверугольнику, покрытому волосами, которыми она собираетъ съ цвѣтовъ цвѣточную пыль. Между вторымъ и третьимъ членомъ двухъ заднихъ ногъ находятся углубленія на подобіе ложечки, называемыя *лопаточками*, въ которыя она набиваетъ цвѣточную пыль. Брюшко пчелы состоитъ изъ шести параллельныхъ чешуекъ, растягивающихся и сжимающихся по надобности. Въ брюшкѣ помѣщены кишки, медовой пузырекъ, желудокъ, пузырекъ съ ядомъ и жало.

Всѣ вообще работы, въ пчелиномъ семействѣ, производятся рабочими пчелами; онѣ собираютъ изъ растений медъ, составляющій ихъ главную пищу, дѣлаютъ изъ него воскъ, а изъ воску—вошину, собираютъ цвѣточную пыль, или *перу*, составляющую пособіе въ пищу лѣтомъ и которая особенно необходима для приготовленія пищи для молодой *дѣтки*, носятъ воду и выводятъ дѣтку изъ сѣмянъ, положенныхъ маткой. Каждое пчелиное семейство всегда имѣетъ у себя стражу, которая, прогоняя чужихъ пчелъ, выпускаетъ въ улей только своихъ, опознавая ихъ щупальцами. Каждая пчела узнаетъ свой улей не по его наружному виду, но по его мѣсту или по навыку своего полета, такъ-что если улей сдвинуть съ мѣста хотя на аршинъ, то пчела его уже не найдетъ, а сядетъ на то мѣсто, гдѣ стоялъ улей. Но если перевезти улей на далекое разстояніе, версты на три, то пчела обознавши мѣстность, привыкаетъ опять къ новому направленію. Пчелы могутъ отлетать отъ своего улья верстъ на шесть и болѣе и никогда, при возвращеніи, не сбиваются съ пути. Пчела можетъ издавать звукъ, который она разнообразитъ, смотря по надобности, и всѣ другія пчелы одного семейства хорошо понимаютъ эти условные тоны.

Если пчела чужаго семейства захочет пристать въ улей, то она всегда, ставъ на *летикъ*, упрасивается, издавая особый звукъ, или, какъ говорятъ пчеловоды, присягаетъ, послѣ чего ее и принимаютъ въ улей.

ДѢЛАНІЕ МЕДУ И ВОСКУ.

Пчелы собираютъ медъ, изъ многообразныхъ цвѣтовъ, иногда изъ листьевъ различныхъ растений, болѣе или менѣе имѣющихъ свойство производить эту сладкую жидкость, которую пчелы слизываютъ хоботкомъ и, если хотять употребить въ пищу, то чрезъ ротъ пропускаютъ ее въ желудокъ, если же хотять сохранить въ запасъ, то пропускаютъ ее чрезъ ротъ въ особый пузырекъ, находящійся въ брюшкѣ, гдѣ она, подвергаясь измѣненію, дѣлается уже медомъ и опять чрезъ ротъ извергается въ ячейки.

О дѣланіи пчелами воска было много предположеній. Первые и, разумѣется, самые неопытные наблюдатели принимали за воскъ пергу, которую пчелы несутъ на своихъ ножкахъ, цвѣтомъ дѣйствительно похожую на воскъ. Женевскій натуралистъ—пчеловодъ Губеръ, который, какъ я уже говорилъ, былъ слѣпъ и свои наблюденія надъ пчелами дѣлалъ съ помощью слуги, еще въ срединѣ прошлаго столѣтія, первый началъ оснаривать это мнѣніе и утверждалъ, что пчелы дѣлаютъ воскъ изъ меду и другихъ сладкихъ соковъ, но съ нимъ не только не соглашались, но даже называли это мнѣніе нелѣпостью. Иные утверждаютъ, (даже Кристъ и за нимъ Прокоповичъ) что пчелы, эту цвѣточную пыль, или особо собираемое восковое вещество, смѣшиваютъ съ медомъ въ особомъ восковомъ желудкѣ и изъ него выпускаютъ чрезъ ротъ уже воскъ. По моему—жъ мнѣнію, которое я уже давно печатно изложилъ въ одной изъ статей моихъ о пчеловодствѣ, пчелы дѣлаютъ воскъ прямо и единственно только изъ меду, который онѣ, переработавъ въ своемъ желудкѣ, испускаютъ не чрезъ ротъ, а чрезъ поры брюшка, гдѣ онѣ, охладѣвая и твердѣя, образуетъ между брюшными чешуйками маленькія и иногда видимыя для глаза пластинки, которыя онѣ берутъ потомъ въ ротъ, мѣять зубами и дѣлаютъ изъ нихъ вошину. Это ясно изъ того, что пчелы дѣлаютъ вошину и тогда, когда у нихъ вовсе не бываетъ перги, и когда онѣ даже не вылетаютъ изъ улья; такъ напримѣръ, если раншею весною подрѣзать соты въ ульѣ, въ которомъ много будетъ меду, а мало вошины, то пчелы, даже не вылетая изъ улья, будутъ дѣлать вошину. Также и во время сильнаго взятка, когда недостаетъ порошковыхъ сотовъ

для наполненія ихъ медомъ, пчелы съ необыкновенною быстротою и въ большомъ количествѣ дѣлаютъ вошину, между-тѣмъ какъ въ то время почти не носятъ перги. Когда, во время сильнаго взятка, производится самая большая и поспѣшная работа вошины, то пчелы, въ торопливости, даже роняютъ множество восковыхъ пластинокъ, которыя тогда, на подобіе разсыпанной крупы, можно видѣть на подмосткахъ подъ ульями. Однажды у меня случилось, что вышедшій рой, собранный въ *роевню*, отъ недосмотра задушился. Когда я началъ его разсматривать, то у каждой пчелки между брюшными чешуйками явственно были видны продолговатыя, тоненькія, бѣленькія пластинки воска. Однимъ словомъ, дѣланіе пчелами воска изъ меда, а не изъ чего-либо другаго, и выкатываніе его изъ желудка сквозь поры тѣла, а не выпусканіе его чрезъ ротъ, такъ очевидно, что я, съ самаго начала занятія моего пчеловодствомъ, составилъ себѣ это понятіе, и удивляюсь, какъ другіе пчеловоды, въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ, этого не постигли и даже большая часть ихъ, а особливо иностранныхъ, еще и теперь остается при невѣрномъ понятіи объ этомъ предметѣ.

Изъ воску пчелы дѣлаютъ разной величины ячеи для вылаживанія въ нихъ своей дѣтки или *черви*:—пчелиныя трутневья ячеи, составляющія непрерывныя, сверху внизъ идущія пласты вошины, а на концахъ ихъ, на ребрахъ вошинъ, маточныя ячеи. Кто не знаетъ этихъ сотовъ, и кто при видѣ ихъ не удивляется той геометрической правильности и вѣрности, съ какою эти чудныя насекомыя устраниваютъ свои ячейки, и у кого при этомъ не рождается желаніе имѣть хотя какое-либо понятіе о естествѣ и свойствахъ этого непостижимаго животнаго?

Рожденіе пчелъ.

Не смотря на всю таинственность пчелинаго семейства, не смотря на многочисленность его ядовитыхъ жалъ, всегда устремленныхъ противъ любопытнаго, наблюдательные пчеловоды успѣли проникнуть въ самыя сокровенныя ихъ убѣжища, высмотрѣть все, что только можно видѣть невооруженнымъ глазомъ, и, послѣ разныхъ недоразумѣній и ошибокъ, исправляя одинъ другаго, достигли наконецъ до самаго точнаго понятія о многихъ занятіяхъ пчелинаго семейства. Послѣ дѣланія воска, самое любопытнѣйшее и необходимѣйшее для знанія дѣйствіе составляетъ рожденіе пчелъ и другихъ существъ этого семейства.

Пчела, подобно прочимъ насѣкомымъ, до полного своего развитія имѣетъ два превращенія, что называется двумя періодами ея образованія: въ первый періодъ она находится въ состояніи зародыша или яичка и., потомъ червяка или личинки, а во второй—въ состояніи куколки.

Матка, которая одна только несетъ яичка, передъ сѣменіемъ, дѣлается очень полною, до-того, что ежели чуть-чуть пожать ее пальцами, то она испускаетъ изъ конечной части своего брюшка свѣтлую, желтоватую жидкость. Когда пчелы очистятъ отъ сора ячейки, тогда матка, въ сопровожденіи ихъ, отправляется класть въ нихъ яички. Вложивши въ ячейку брюшко, она опускаетъ туда одно маленькое, продолговатое, бѣленькое яичко, которое приклеивается въ ней посрединѣ и первоначально стоитъ въ ячейкѣ, не прислоняясь къ стѣнкамъ, вертикально къ отверстію; положивши въ ячейку одно яичко, матка кладетъ въ смежную ячейку другое, и такъ далѣе, пока не истощится. Хорошая матка кладетъ всегда по одному яичку въ ячейку и притомъ пчелиныя яички—въ пчелиныя, а трутневыя—въ трутневыя ячейки, которыя, какъ я сказалъ, нѣсколько болѣе пчелиныхъ; дурная же матка кладетъ ихъ по два и по три вмѣстѣ и въ какія ни попало ячейки, и преимущественно кладетъ яички трутневыя. Неизвѣстно только, можетъ ли хорошая матка, положивши сначала пчелиныя яички въ пчелиныя ячейки или, какъ говорится, засѣменивши пчелиный пласть воищины, засѣменить потомъ безъ остановки трутневой пласть, и обратно; или она, для каждаго такого сѣменія, употребляетъ особое время, и слѣдовательно не разомъ имѣетъ въ себѣ запасъ тѣхъ и другихъ яичекъ. По мнѣнію Криста, матка до тѣхъ поръ кладетъ одного рода яички, пока истощается у нея всѣ бывшія въ готовности для того дня. Мнѣніе Зибольта противоположно мнѣнію Криста. Такое несеніе маткою яичекъ начинается съ самой выставки пчелъ и продолжается до положенія ихъ въ омшаникъ (даже и въ омшаникѣ она кладетъ ихъ, но только въ самомъ маломъ числѣ) и количество ихъ всегда сообразно бываетъ теплотѣ времени, а еще болѣе обилію или скудости взятка. Иногда она кладетъ ихъ очень много, такъ что засѣмняетъ вдругъ почти всю порожнюю воищину; но пчелы высиживаютъ ихъ столько, сколько въ холодное время могутъ закрыть собою ячеекъ, а въ теплое, сколько успѣютъ ихъ запечатать, то есть вскормить и снабдить необходимымъ продовольствіемъ; прочія же яички остаются въ ячейкахъ, гдѣ онѣ, въ хорошее время, могутъ сохраняться довольно долго, или же сѣдаются пчелами.

Надъ опредѣленными для высиживанія яичками пчелы сидятъ постоянно, поддерживая тѣмъ необходимую теплоту. Три дня яичко находится въ одинаковомъ положеніи, не претерпѣвая никакого видимаго измѣненія; наконецъ, на четвертый, изъ него рождается червячокъ бѣлый и безногій, состоящій изъ нѣсколькихъ колецъ. Червячокъ этотъ, или личинка, растетъ до-тѣхъ-поръ, пока одинъ его конецъ сойдется съ другимъ и своею величиною займетъ все основаніе ячейки,—что продолжается для пчелъ—четыре, а для трутней—шесть дней. Впродолженіе этого времени, пчелы неустанительно заботятся о питаніи и согрѣваніи дѣтки. Пищу составляютъ для нея изъ меду и перги, только-что принесенной съ поля или же имѣющейся въ запасѣ—и вотъ единственное назначеніе этой перги, носимой пчелами на своихъ ножкахъ, а вовсе не для дѣланія воска, какъ нѣкоторые объ этомъ еще и теперь думаютъ. Пища эта съ возрастомъ червячка дѣлается разнообразною во вкусѣ и цвѣтѣ и, слѣдовательно, въ составныхъ своихъ частяхъ.

Когда червячку будетъ отъ семи до восьми дней отъ положенія яичка, смотря по погодѣ, и когда онъ приблизится къ превращенію, тогда онъ переходитъ ко второму періоду своей жизни: онъ перемѣняетъ свое положеніе, переворачивается со всею силою и оборачивается однимъ концомъ ко входу ячейки, тѣмъ именно, изъ котораго должна образоваться голова пчелы. Въ это время, пчелы, наполнивъ ячейку пищею, дѣлаютъ надъ нею плотный сводъ изъ воску, или, какъ говорится, *печатаютъ* дѣтку; послѣ того прекращаютъ уже питаніе и только неотступно сидятъ на дѣткѣ, усиливая тѣмъ надъ нею теплоту. Вскорѣ по заключеніи своемъ, червячокъ, въ продолженіи трехъ дней, завертывается въ куколку, состоящую изъ самой нѣжной, бѣлой плевочки, которую онъ образуетъ, выпуская изъ рта своего тончайшую лишковую нить и обвивая ее вокругъ своего тѣла. Это явленіе, впрочемъ, только предположительное, котораго никто, по возможности наблюденія, подсмотреть не можетъ.

Послѣ этого начинается второй періодъ образованія пчелы, въ продолженіи котораго, въ одиннадцать или тринадцать дней отъ запечатанія ячеи, смотря по погодѣ, куколка, находясь въ состояніи сна, живетъ только внутреннею жизнью, и въ это время постепенно образуются въ ней разныя части тѣла будущей пчелы. По достиженіи полнаго развитія, продолжающагося отъ положенія яичка въ ячейку не менѣе 20-ти дней, пчелка сама, или съ помощью старыхъ пчелъ,

разгрызываетъ сводъ своей ячейки и вылезать изъ нея, оставляя въ ней свою плеву или коконъ, который плотно пристаётъ къ стѣнкамъ ячейки, отчего она послѣ нѣсколькихъ выходовъ пчелъ, значительно уменьшается и чернѣетъ. Еще день или два, смотря по погодѣ, молодая пчелка остается въ ульѣ, гдѣ ее очищаютъ старыя пчелы, а потомъ она вылетаетъ, сначала на такъ-называемую *проиру* около улья, а потомъ и въ поле, за добычей. Пчелы любятъ только совершенныхъ во всемъ молодыхъ пчелъ, калѣкъ же умерщвляютъ, или живыми выносятъ вонъ изъ улья и бросаютъ. Это жестокосердіе очень не нравится тѣмъ пчеловодамъ-писателямъ, которые изъ этого насѣкомаго сдѣлали самое радужнѣйшее и нравственнѣйшее существо, и ставятъ его въ примѣръ не только человѣку, но даже государствамъ.

Такъ образуются и растутъ рабочія пчелы и трутни; матки же, хотя зараждаются изъ такого же яичка, какъ и рабочія пчелы, но получаютъ совершенно другое воспитаніе и, вслѣдствіе этого, выходятъ совершенно иными существами. Ячей для матокъ дѣлаются гораздо болѣе пчелиныхъ, круглыя, на подобіе жолудя или наперстка, и висящія на ребрахъ сотовъ. Едва яичко обратится въ червяка, какъ для него готовится самая обильная, а, можетъ-быть, и особая пища, такъ что червячекъ въ ней плаваетъ совершенно незамѣтнымъ, и когда этою пищею наполнится ячейка (или маточникъ), тогда ее печатаютъ. Матка подвергается такимъ же періодамъ превращенія какъ и пчела, но они бываютъ короче, и матка вырастаетъ въ двѣнадцать или тринадцать дней отъ положенія въ маточникъ яичка.

Гипотезы о половомъ отношеніи существъ пчелинаго семейства.

Составъ пчелинаго семейства изъ трехъ видовъ, представляющую большую рѣдкость въ природѣ, весьма рано началъ обращать на себя вниманіе и пчеловодовъ, и натуралистовъ, которые, весьма правильно, подозрѣвали въ немъ загадку все го непонятнаго въ жизни пчелы; но, къ сожалѣнію, должно сказать, что они ограничились только гипотезами по этому предмету, и, считая ихъ достаточно правдоподобными, перестали имъ болѣе заниматься. По моему же мнѣнію, всѣ, до-сихъ-поръ, составленныя гипотезы о половомъ отношеніи существъ пчелинаго семейства еще далеки отъ истины, и натуралистамъ еще предстоитъ большое поприще для изслѣдованій. Здѣсь я постараюсь изложить важнѣйшія объясненія этихъ отношеній, какъ прежнія, такъ и теперешнія, также и мои объ этомъ предположенія.

Матка, или царица, почитается всѣми единственною настоящею самкою, которая одна несетъ яички всѣхъ видовъ, производящія какъ матку, такъ и прочія виды существъ пчелинаго семейства. Сначала думали, что матка несетъ яички въ одномъ мѣстѣ, которыя потомъ рабочія пчелы разносятъ по ячейкамъ; но это мнѣніе, при первомъ же, болѣе внимательномъ, наблюденіи было опровергнуто, ибо въ каждомъ ульѣ можно видѣть, какъ сама матка кладетъ яички въ каждую ячейку. Также думали, что матка рождается только изъ яичка, положеннаго маткой въ особую для того назначенную ячейку—маточникъ; но Ширахъ, нѣмецкій пчеловодъ, первый (въ 1761 г.) доказалъ, что матка можетъ быть выведена пчелами и изъ яичка, положеннаго въ пчелиную ячейку и даже изъ червячка рабочей пчелы, когда онъ не старѣе трехдневнаго возраста, какое открытіе и послужило основаніемъ къ дѣланію отводковъ или искусственныхъ роевъ. Открытіе Шираха, показавшееся сначала нелѣпостью, возбудило впоследствии много къ нему неудовольствій, и желаніе унижить такое открытіе заставило многихъ обнаружить, что искусственное выплаживаніе матки давно уже было извѣстно многимъ простымъ германскимъ, и въ особенности, польскимъ пчеловодамъ. Но если это и дѣйствительно такъ, то все-таки Шираху принадлежитъ честь что это открытіе сдѣлалось достояніемъ науки. Знаменитый нѣмецкій пчеловодъ, Дзирзонъ, утверждаетъ, что онъ дозналъ многолѣтними наблюденіями, что время годности личинокъ для вывода изъ нихъ матокъ простирается съ 8-ми дней почти до времени запечатанія ячеекъ и превращенія червячка въ куколку. Изъ этого обстоятельства Кристь выводитъ слѣдующія заключенія: 1) что вышнія обстоятельства, какъ-то: обильный кормъ, большая ячейка, въ которой зародышъ имѣетъ болѣе свободы развиваться, производить, что изъ всякаго пчелинаго яичка или червячка, изъ котораго вышла бы обыкновенная пчела, можетъ произойти и матка, и 2) что всѣ рабочія пчелы первоначально суть *несовершенныя самки*, изъ которыхъ каждой слѣдовало бы быть одной только степенью болѣе образованной для того, чтобъ сдѣлаться *совершенною самкою* и матерью другихъ пчелъ. Впрочемъ, говоритъ Кристь, вѣроятно, что дѣтородные члены пчелъ должны быть или очень малы, либо и совершенно изглажены, ибо, какъ не могъ бы примѣтить яичниковъ у пчелъ знаменитый голландскій натуралистъ и анатомикъ *Сваммердамъ*, столь превосходно описавшій и изобразившій маточные яичники? Какъ не могли примѣтить ихъ великіе натуралисты *Миралини* и *Реомюръ*? Между тѣмъ, въ примѣчаніи, Кристь присовокупляетъ,

что Реймъ, въ опытахъ своихъ въ 1776 году, утверждаетъ, что у него и рабочія пчелы произвели до ста яицъ, изъ которыхъ выходятъ только трутни, но что ни онъ (Кристъ), ни Бонне никогда не замѣтили, чтобы пчелы несли яичка. Заключение Криста очень логическія и поэтому справедливы; но онъ несправедливо допускаетъ совершенное уничтоженіе въ пчелахъ дѣтородныхъ частей, и наблюденіе Рейма въ этомъ случаѣ совершенно вѣрно. Нашимъ пчеловодамъ давно извѣстно, что рабочія пчелы имѣютъ способность нести яички, изъ которыхъ рождаются только трутни, и такихъ пчелъ называютъ *выродками*. Когда пчелиное семейство лишится матки и нѣтъ въ немъ ни яичка, ни червячка, изъ котораго можно бы вывести матку, тогда нѣкоторыя изъ рабочихъ пчелъ кладутъ трутневые яички, только въ небольшомъ количествѣ и безъ должнаго порядка, по два и по три въ одну ячейку. Этихъ пчелъ—матокъ нельзя отличить отъ другихъ пчелъ, и сколько ихъ бываетъ въ семействѣ—неизвѣстно, хотя Пономаревъ и утверждаетъ что не болѣе пяти. Такія пчелы-выродки тѣмъ бываютъ вредны, что ихъ прочія пчелы любятъ какъ матокъ, и поэтому не принимаютъ уже настоящихъ матокъ. Любопытно мнѣніе Прокоповича объ этомъ явленіи, изложенное въ сочиненіи послѣдователя его, Пономарева. Онъ полагаетъ, что каждая пчела, еще въ состояніи червя, *изгевнушивается*, или кастрагится другими пчелами, то—есть, лишается своихъ половыхъ органовъ; но когда пчелы потеряютъ свою матку, то, въ безпокойствѣ, забываютъ поскопить нѣкоторыхъ пчелъ, которыя поэтому и не лишаются способности быть матками, хотя и несовершенными. — Гипотеза, вызванная только необходимостію чѣмъ—либо объяснить это непонятное явленіе.

Принимая матку за единственную совершенную самку, всѣ вообще пчеловоды и натуралисты, начиная съ Свамердама, считают самцами трутней. Реомюръ, составившій превосходные анатомическіе рисунки половыхъ органовъ трутня, и Реймъ, говорятъ, что они были сами очевидцами совокупленія трутней съ матками, какъ внутри, такъ и внѣ улья, хотя послѣднее, по словамъ ихъ, и рѣдко случается. Матка, по свидѣтельству Реомюра, вскакиваетъ на трутня, ибо мужескій членъ его выходитъ вверхъ, на подобіе дуги, что можно видѣть и въ такомъ случаѣ, если трутня прижать по срединѣ. Но членъ этотъ не можетъ уже обратно войти въ тѣло, имѣя неровности, препятствующія втащить его, а потому самецъ послѣ совокупленія всегда умираетъ. Губеръ утверждаетъ, что онъ дѣлалъ наблюденія надъ маткою, только—что совокупившеюся будто бы съ трутнемъ, и въ маточ-

никѣ ея ясно видѣлъ бѣловатую сѣмянную жидкость и остатки дѣтородныхъ частей трутня, которыя матка сама изъ себя старалась извлекъ; послѣ чего, говоритъ Губеръ, нѣтъ мѣста сомнѣнію копуляціи матки съ трутнемъ. Такъ думаетъ и Кристъ, присовокупляя, что природа для того и обезпечила матку большимъ количествомъ трутней, простирающимся въ ульѣ отъ 300 до 1000. Какъ бы ни было рѣдко это явленіе совокупленія трутня съ маткой, но безъ сомнѣнія могли бы когда-нибудь замѣтить его и многіе другіе пчеловоды, всегда съ особеннымъ стараніемъ употреблявшіе къ тому все средства, между-тѣмъ это никому не удалось; а потому увѣренія Реомюра и Рейма безъ-сомнѣнія ошибочны, а мнѣніе Губера, какъ слыща, видѣвшаго не своими глазами, а глазами своего слуги, еще менѣе достоверно ⁽¹⁾. Мнѣніе Реомюра, Рейма и Губера о копуляціи матокъ оспаривали многіе — между прочимъ Ширахъ, который утверждалъ, что его молодыя матки, выплощенные пчелами, въ особыхъ ящикахъ, изъ червы, куда онъ не выпускалъ ни одного трутня, наносили потомъ значительное число оплодотворенныхъ яичекъ. Это бываетъ и ежегодно съ матками, которыя весною, почти до половины мая мѣсяца, когда еще во всей пасикѣ нѣтъ ни одного трутня, кладутъ пчелиныя и трутневия яички безъ всякаго, разумѣется, сообщенія съ трутнями. Сваммердамъ, предполагая, что мужескій членъ трутня слишкомъ великъ противъ женскаго матки, думаетъ, что матка оплодотворяется душистыми частицами, исходящими изъ тѣла самцевъ; это предположеніе, быть-можетъ, и не такъ странно, какъ его обыкновенно считаютъ. При разговорѣ моемъ объ этомъ предметѣ съ Пономаревымъ, прежде нежели я высказалъ ему мое предположеніе, онъ сталъ мнѣ доказывать, что матка кладетъ пчелиныя яйца безъ совокупленія съ трутнемъ. «Въ этомъ,» говоритъ, «я убѣдился неоднократно опытами: часто я, набравши въ маленькій улей немного *мухи*, и ввустивши туда только что выплотившуюся матку, отвозилъ его веретъ за восемь отъ всякой пасѣки, и возвратясь къ нему чрезъ нѣкоторое время, находилъ заложенную пчелиную черву; иногда же ставилъ такіе ульи въ омшаникъ — и тамъ тоже находилъ чрезъ нѣсколько времени такую же черву.»

Принимая во вниманіе, что матка часто бываетъ плодовита, когда

(1) Копуляція всѣхъ вообще перепончато-крылыхъ насѣкомыхъ, къ какимъ принадлежатъ и пчелы, продолжается долгое время и потому видима нами; отчего же мы не видимъ копуляціи пчелъ?

еще нѣтъ трутней, Кристи думаетъ, что матка, оплодотворясь одинъ разъ трутнемъ, не только сама дѣлается плодовитою на нѣсколько лѣтъ, но передаетъ плодовитость и другимъ, рожденнымъ отъ нея, маткамъ, подобно тому какъ улитки, а въ особенности древесныя вши, которыя, по наблюденіямъ Левенгока, Цестини и Бонне, могутъ распложаться безъ совокупленія съ самцами даже до шестаго поколѣнія. Еще въ 1848 году, не зная этого мнѣнія Криста, я помѣстилъ, въ «Земледѣльческой Газетѣ» (стр. 361), статью о самооплодотвореніи пчелиной матки, гдѣ изложилъ, что, основываясь на наблюденіяхъ ученыхъ, дѣлаемыхъ надъ пауками, травяною вошью (*aphis*) и разными бабочками, которыя плодятся нѣсколько поколѣній безъ участія самца, быть-можетъ, можно сдѣлать такое же заключеніе и о пчелахъ. Ученый Карлье получилъ изъ яицъ бабочки-липарисъ (*Liparis dispar*) три поколѣнія, изъ которыхъ предпоследнее произвело только однихъ самцевъ; подобное явленіе бываетъ постоянно и у пчелъ, ибо когда состарѣется матка, то она кладетъ только трутневые яички. Еще разительнѣе представляетъ примѣръ самооплодотворенія *свищевая* матка, которую сами пчелы выплаживаютъ весною и которая потомъ кладетъ яички, такъ-сказать, отроду не выдавъ трутня, потому-что ихъ въ то время еще не бываетъ въ пасикѣ. Сюда можно присоединить еще и примѣръ осы, очень близко подходящей къ пчелѣ. Извѣстно, что осы на зиму всѣ пропадаютъ, а весною являются однѣ только ихъ матки, которыя, отыскавъ сдѣланное прошлымъ лѣтомъ гнѣздо, кладутъ въ ячейки яйца и производятъ молодыхъ осъ, которыя къ зимѣ опять погибаютъ. Мнѣніе мое о самооплодотвореніи пчелиной матки, изложенное въ помянутой статьѣ, было только *предположеніемъ*, а не полнымъ убѣжденіемъ, и написано болѣе для того, чтобы вновь возбудить вниманіе натуралистовъ къ этому важному, но оставленному ими, явленію природы. Всѣ сравненія пчелъ съ другими насѣкомыми, какъ бы они ни были къ нимъ подходящи, не могутъ быть волиѣ примѣнимы. Изъ замѣчанія моего о свищевой маткѣ можно вывести только одно вѣрное заключеніе, что всѣ вообще матки дѣйствительно дѣлаются плодородными безъ участія трутня, но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы онѣ получали это свойство, какъ бы по наслѣдству отъ прежде оплодотворенной своей матки, — даже напротивъ, мнѣ кажется, что обстоятельство это можетъ служить опроверженіемъ такого мнѣнія. Извѣстно, что свищевыя матки выплаживаются пчелами по смерти настоящей матки изъ всякаго пче-

линого яичка или молодаго пчелинаго червя. Эти матки не могли получить отъ прежней матки плодотворной способности болѣе нежели получаютъ ихъ всѣ пчелы, потому что онѣ не могли быть опредѣлены прежнею маткою къ тому назначенію, которое получили по смерти ихъ.

Нѣмецкій пчеловодъ, Лукасъ, признавая неосновательною гипотезу объ оплодотвореніи матки трутнями, въ сочиненіи своемъ о пчеловодствѣ 1796 года, излагаетъ слѣдующее мнѣніе объ этомъ предметѣ: почитая матку совершенною самкою, онъ думаетъ, что самцевъ должно искать только между рабочими пчелами, изъ которыхъ одна часть бываетъ мужскаго пола, а другая — женскаго. Сіи послѣднія — не совершенныя матки, а выродки; будучи неспособны раждать подобныхъ себѣ, они раждаютъ трутней—ублюдковъ, которыхъ какъ строеніе тѣла, такъ и недостатокъ нѣкоторыхъ органовъ дѣлаетъ какими-то уродами, нѣсколько неспособными къ совокупленію, но которыхъ назначеніе, впрочемъ, ему неизвѣстно. Пчелы женскаго пола или несовершенныя самки — трутневыя матки, которыя порождаютъ трутней, по мнѣнію его, суть тѣ продолговатыя черныя пчелы, которыхъ называютъ *лакомками*, которыя весной выются подобно хищнымъ пчеламъ передъ ульями, хотя онѣ вовсе не хищныя пчелы. Такъ-какъ въ то время нѣтъ еще надобности въ самкахъ, то рабочія пчелы мужскаго пола ихъ прогоняютъ, а потомъ, когда выйдетъ молодая муха, настанетъ изобиліе меду, и родится потребность въ совокупленіи, то ихъ принимаютъ. Это сочетаніе, или совокупленіе, самцевъ съ трутовыми матками совершается чрезъ одно цѣлованіе, что можно видѣть даже передъ ульями. Совокупленіе настоящей матки съ самцами изъ рабочихъ пчелъ производится также, по мнѣнію Лукаса, чрезъ соединеніе язычковъ или цѣлованіе, ибо всегда видѣть можно, что матка безпрестанно окружена свитою пчелъ, ласкающихся около нея и цѣлующихся съ нею, протягивая къ ней язычки свои. Сіи-то пчелы суть совершенныя самцы, имѣющіе дѣтородные свои члены напередѣ, такъ какъ и матка. Что же касается того, что эти члены находятся не назади, какъ у прочихъ животныхъ, а напередѣ, то этому нечего удивляться, ибо это бываетъ не только у пчелъ, но вообще у всѣхъ тѣхъ насѣкомыхъ, которыя снабжены жалою и ядовитымъ пузырькомъ. Въ подтвержденіе этого послѣдняго обстоятельства, Крестъ присовокупляетъ, что пауки, улитки и проч. имѣютъ дѣтородный членъ напередѣ, улитки — на шеѣ, а пауки — на головѣ, на подобіе усиковъ. Эта замысловатая гипотеза Лукаса, явившаяся въ то время, когда

еще такъ мало было сдѣлано наблюденій надъ жизнью пчелъ, могла дѣйствительно въ свое время обратить на себя большое вниманіе, но теперь, когда извѣстно, что одна и таже матка несетъ пчелиныя и трутневыя яички, гипотеза эта можетъ служить только примѣромъ оригинальности взглядовъ. Однако, отвергая мнѣніе Лукаса о существованіи въ пчелиномъ семействѣ особыхъ трутневыхъ матокъ и объ отсутствіи всякаго назначенія въ существованіи трутней, въ вышеизложенной гипотезѣ есть нѣчто похожее на истину, о чемъ я скажу ниже.

Въ послѣднее время обратила на себя особенное вниманіе теорія половыхъ отношеній пчелъ, обнародованная силезскимъ священникомъ, пчеловодомъ Дзирзономъ. Теорія эта имѣетъ тѣсную связь съ предшествовавшими гипотезами по этому предмету и подтверждена весьма сильными авторитетами, каковы: баронъ Берлешъ, повѣрившій всѣ опыты Дзирзона, Зибольтъ и Лейкартъ, доказавшіе микроскопическими изслѣдованіями основательность теоріи Дзирзона. Ученіе Дзирзона состоитъ въ слѣдующемъ: 1) матка оплодотворяется трутнями и оплодотвореніе ея совершается въ воздухѣ, вѣхъ улья. Въ копуляціи оплодотворяется не яичникъ, а хранилище сѣмени—пузырекъ, который у молодыхъ матокъ бываетъ наполненъ водянистою жидкостью, но оплодотвореніи же наполняющая его влага имѣетъ бѣлый цвѣтъ; 2) дѣятельность яичниковъ пробуждается копуляціею, но не всегда. Иныя неоплодотворенныя матки вовсе не кладутъ яицъ, другія же кладутъ яйца только трутневые, что иногда случается и съ рабочими пчелами, оплодотвореніе которыхъ Дзирзонъ считаетъ невозможнымъ по недостаточному развитію у нихъ хранилища сѣмени. Яйцо, изъ котораго должна развиться пчелка или матка, должно придти въ соприкосновеніе съ оплодотворенною влагою, наполнившею хранилище семени, а потому произведеніе такихъ яицъ возможно только для матки; 3) матка оплодотворяется однажды и получаетъ запасъ плодотворности на два или на четыре года: для этого матка только разъ въ жизни вылетаетъ изъ улья; если же она не вылетитъ, то остается безплодна навсегда, или будетъ плодить однихъ трутней. Для кладки яицъ на трутня нужно не оплодотвореніе, а способность класть яйца; на это же бываютъ способны и матка и пчелы безъ участія самцовъ. Дзирзонъ навелъ на эту мысль наблюденіе надъ тремя матками, которыхъ крылья были изкалѣчены отъ рожденія, и которыя потому не могли вылетѣть и оплодотвориться, но, не смотря на то, во всю свою жизнь клали трутневые яйца.

Анатомико-микроскопическіе опыты Зибольта, относящіеся къ этому предмету, повидимому во всемъ согласны съ теоріей Дзирзона и тѣмъ самымъ даютъ ей особенную вѣроятность. Зибольтъ, еще въ 1837 году, открылъ присутствіе *живчиковъ* (spermatozoa) въ самкахъ многихъ насекомыхъ и, въ томъ числѣ, въ самкахъ пчелъ, которыхъ онъ долгое время содержалъ отдѣльно отъ самцовъ, и которыхъ, слѣдовательно, нельзя подозрѣвать изловленными послѣ копуляціи. Живчики и самая жидкость, содержащая ихъ, лежатъ у самки въ особомъ хранилищѣ (receptaculum seminis, Sieboldt), отдѣленномъ отъ яйцевода. Этихъ живчиковъ онъ находилъ и въ такихъ маткахъ, которыя были плодотворены уже нѣсколько лѣтъ назадъ. Дѣлая микроскопическія наблюденія надъ самыми яичками, Зибольтъ открылъ несомнѣнное присутствіе живчиковъ въ пчелиныхъ яичкахъ и отсутствіе ихъ въ трутневыхъ. Баронъ Берлепшъ дѣлалъ слѣдующій опытъ: имѣя въ виду, что живчики должны быть чувствительнѣе къ холоду, нежели самый организмъ содержащихъ ихъ матокъ, и что слѣдовательно, можно умертвить живчики не умертвивъ матки, т. е. можно отнять у матокъ возможность класть яйца на рабочихъ пчелъ, не отнимая возможности класть яйца на трутней, онъ подвергалъ оплодотворенную матку сильному холоду, положивши ее на ледъ. Изъ трехъ такихъ матокъ двѣ пропали, а одна осталась живою и клала потомъ во всю свою жизнь яйца только на трутней. Наши пчеловоды тоже давно уже замѣтили, что свищовыя матки, выплаживаемыя весною въ холодную погоду, всегда бываютъ трутневыя.

Ученіе Дзирзона о половыхъ отношеніяхъ и о зарожденіи пчелъ, подтвержденное, или лучше сказать, выведенное изъ опытовъ натуралистовъ Лейкарта и Зибольта, Рулье въ сочиненіи своемъ: *Три открытія въ естественной исторіи пчелы*, считаетъ совершеннѣйшимъ, которымъ будто бы разрѣшается окончательно вся таинственность зарожденія пчелы. Но съ этимъ я согласиться не могу.

Во 4-хъ: довѣряя вполне показаніямъ Лейкарта и Зибольта о присутствіи живчиковъ какъ въ хранилищѣ сѣмени у матки, такъ и въ самыхъ яйцахъ пчелиныхъ и объ отсутствіи ихъ въ яйцахъ трутневыхъ, я могу изъ этого вывести только то, что они дѣйствительно тамъ бываютъ, но откуда эти живчики берутся?—этотъ вопросъ, по моему мнѣнію, требуетъ еще изслѣдованій. Дзирзонъ рѣшаетъ его тѣмъ, что матка оплодотворяется трутнями и что для этого она должна непременно, хоть одинъ разъ въ жизни, вылетѣть изъ улья. Это

онъ выводитъ изъ наблюденія своего надъ тремя матками, у которыхъ онъ подрѣзалъ крылья и которыя, оттого, будучи не въ состояннн вылетѣть изъ улья, не могли имѣть копуляціи съ трутнями, и поэтому не могли класть яицъ на рабочихъ пчелъ, а только на трутней. Но если наблюденіе это и вѣрно, то тѣмъ не менѣе оно недостаточно. Дзирзону могли попасться три матки, отъ природы уже несовершенныя, какихъ въ пчелиномъ семействѣ множество; иногда изъ десяти вновь-вышедшихъ матокъ едва одна бываетъ доброю, которую пчелы избираютъ для поддержанія ихъ рода, а остальныхъ или умерщвляютъ, или прогоняютъ. Чтобы совершенно убѣдиться въ своемъ предположеніи, Дзирзону нужно было сдѣлать опытъ не надъ тремя, а по крайней мѣрѣ надъ тридцатью матками и то съ самою точною наблюдательностію и съ соображеніемъ еще многихъ другихъ обстоятельствъ этого явленія.

Во 2-хъ: ежели допустить утвержденіе Дзирзона, что матка только одинъ разъ во всю свою жизнь оплодотворяется трутнемъ и залогъ оплодотворенія сохраняетъ на три и четыре года своей жизни, то по закону природы, молодая матка, первое время послѣ оплодотворенія, должна бы быть наиболѣе плодородною, т. е. класть наибольшее количество пчелиныхъ яицъ, а потомъ, постепенно, по мѣрѣ ея старости, класть ихъ менѣе. Но на дѣлѣ мы видимъ совершенно противное: матка бываетъ вначалѣ менѣе плодородна, нежели впослѣдствіи, и даже можно утвердительно сказать, что чѣмъ матка старѣе, тѣмъ она плодovitѣе, кромѣ, разумѣется, послѣдней старости. При этомъ сдѣлаю очень важное замѣчаніе, что большая или меньшая плодovitость матки, кромѣ ея собственнаго достоинства, зависитъ еще отъ количества пчелъ въ ульѣ: чѣмъ пчелиное семейство сильнѣе, т. е. чѣмъ больше оно имѣетъ мухъ, тѣмъ и матка его плодovitѣе, а при маломъ семействѣ матка, самая добрая, кладетъ немного яицъ.

Въ 3-хъ: основное положеніе ученія Дзирзона состоитъ въ томъ, что матка, безъ копуляціи съ трутнемъ, не можетъ класть яицъ на рабочую пчелу и подобныхъ себѣ матокъ. Но я и многіе лучшіе пчеловоды знаемъ положительно изъ опытовъ, что *матка кладетъ яйца и на рабочую пчелу безъ участія трутня*, что, какъ я упомянулъ выше, было первоначально и давно уже замѣчено Ширахомъ, а этотъ фактъ — *кладка пчелиною маткою яицъ на рабочую пчелу безъ копуляціи съ трутнемъ*, въ дѣйствительности котораго я не

сомнѣваюсь, и который каждый пчеловодъ легко можетъ повѣрить, въ особенности надъ свищевыми матками, — разбиваетъ совершенно все ученіе Дзирзона о зарожденіи пчелъ.

Кромѣ всего этого, мнѣ приходятъ на мысль еще слѣдующія соображенія. 1-е: Одна матка, по увѣренію Прокоповича и многихъ другихъ пчеловодовъ, кладетъ въ годъ до сорока тысячъ яичекъ, а по наблюденіямъ Понамарева даже до ста тысячъ; въ одинъ день она кладетъ иногда до трехъ тысячъ яицъ. Какъ эти яички ни малы, но если взять ихъ всѣ три тысячи вмѣстѣ, то они объемомъ своимъ далеко превзойдутъ брюшко матки, слѣдовательно они не могли образоваться въ ней разомъ заблаговременно. Но неужели же такъ сильна въ маткѣ образовательная способность и такъ много у нея образовательнаго матеріала, что она въ одинъ день можетъ породить сама собою такое огромное количество яичекъ?—2-е. При извѣстной необходимости, для того, чтобы матка не закладывала червы, пчеловоды запираютъ ее въ клѣточку, гдѣ, какъ бы долго она ни находилась, (иногда недѣли три) но будучи удалена отъ сообщенія съ пчелами и отъ ячеекъ, она дѣйствительно не несетъ яичекъ, ни весной, когда еще нѣтъ трутней, ни лѣтомъ въ самое сильное время закладыванія червы; но коль скоро выпустятъ ее изъ клѣточки къ пчеламъ, она на другой или третій день начинаетъ уже нести яички въ большомъ количествѣ. Какъ же это объяснить? Если бы матка имѣла сама въ себѣ полную образовательную способность, то она, будучи заперта въ клѣточку, до-того бы наполнилась плодотворной матеріей, что или невольно несла бы яички и клала ихъ, если не въ ячейки, то въ клѣточку, или же умерла бы; но этого съ ней не бываетъ: находясь въ клѣточкѣ очень долгое время, она даже особенно не полнѣетъ и имѣетъ обыкновенное брюшко.

Послѣ всѣхъ изложенныхъ мною замѣчаній и фактовъ, я прихожу къ слѣдующимъ соображеніямъ: Рабочія пчелы, по устройству своего организма, и по способности, въ извѣстныхъ случаяхъ, класть яички, весьма близко подходятъ къ маткамъ; если же онѣ самки, т. е. способны нести какія бы то ни было яички, то нужно, чтобы онѣ, или были оплодотворяемы самцами, или же получали эту способность еще въ зародышахъ отъ своей матки, по примѣру травяной вши или бабочки-липариса. Если допустить это послѣднее предположеніе, то въ такомъ случаѣ матка, передавъ, какъ будущей другой маткѣ, такъ и всѣмъ пчеламъ, плодотворное начало, не имѣла бы уже потребности

порождать самцевъ—трутней, до тѣхъ поръ пока бы не истощилось ея оплодотворяющее начало, какъ это бываетъ, по наблюденіямъ Карлье, съ бабочкою-липарисъ. Но мы видимъ, что самцы или трутни нараждаются въ пчелиномъ семействѣ ежегодно и въ значительномъ количествѣ: по исчисленію нѣкоторыхъ пчеловодовъ, на двадцать рабочихъ пчелъ приходится по трутню.

У матки нѣтъ физической возможности производить собственными силами организма то огромное количество яицъ, которое она въ одинъ день кладетъ лѣтомъ, и такъ-какъ она, будучи удалена отъ ячеекъ и заперта въ клѣточку, не мечетъ ихъ совершенно, и не обнаруживаетъ особенныхъ страданій отъ избытка въ ней образовательной матеріи, то нѣтъ возможности не усомниться въ основательности учений (о зарожденіи пчелъ и ихъ половыхъ отношеніяхъ) всѣхъ тѣхъ натуралистовъ и пчеловодовъ, которые признаютъ матку единственною виновницей поддержанія пчелинаго семейства.

Всѣ эти противорѣчія и неполнота теорій могутъ, какъ мнѣ кажется, быть обойдены предположеніемъ, что въ распространеніи пчелинаго семейства, т. е. въ произведеніи новаго поколѣнія пчелъ, участвуютъ не только однѣ матки и ничтожная, по мнѣнію Дзирзона, Губера и другихъ, часть трутней, но всѣ вообще существа составляющія пчелиное семейство. Наблюдательные пчеловоды весьма хорошо знаютъ слѣдующее явленіе въ жизни пчелъ: во время кладки яицъ маткою ее окружаютъ рабочія пчелы. Послѣ кладки каждыхъ 7—10 яицъ, матка отдыхаетъ, и въ это время, окружающія ее рабочія пчелы, кормятъ ее и ухаживаютъ возлѣ нея съ особенною заботливостію. Почему не допустить, что кормъ, который въ это время рабочія пчелы передаютъ посредствомъ своихъ язычковъ, маткѣ, есть не простой медъ, но та образовательная матерія, тотъ высшій продуктъ организма пчелъ, изъ котораго производятся яйца? Допустивъ это предположеніе, мнѣ кажется, имъ будутъ объяснены многіе факты, бывшіе въ наукѣ пчеловодства до сего времени загадками, и, сверхъ-того, получатъ болѣе правдоподобное объясненіе тѣ факты, которые имѣли уже нѣкоторые толкованія. При такомъ предположеніи, надобно будетъ допустить, что всѣ рабочія пчелы должны быть оплодотворяемы трутнями, и въ такомъ случаѣ трутни получаютъ законное мѣсто въ порядкѣ природы, тогда какъ до-сихъ-поръ ихъ считаютъ какими-то уродами или ублюдками, вовсе ни къ чему негодными и какъ-бы лишними, каковыя предположенія совершенно противны природѣ, которая ни-

чего не создаетъ бесполезнаго или ненужнаго. При господствѣ убѣжденія, что трутни имѣютъ совокупленіе только съ маткой, всѣ старались подсмотрѣть исключительно это явленіе, и нѣкоторые, какъ-то Реомюръ и Губеръ, утверждали даже, будтобы видѣли это совокупленіе; но никто до сихъ поръ не обратилъ никакого вниманія на совокупленіе трутней съ пчелами, а потому никто его и не замѣчалъ, между-тѣмъ, есть одно явленіе въ пчелиномъ семействѣ, которое очень похоже на такое дѣйствіе. Когда выходитъ изъ улья рой и носится еще въ пасикѣ, то пчелы, сильно и радостно кружась въ воздухѣ, играютъ съ трутнями, гоняются за ними, ловятъ ихъ, сѣбяются съ ними и отбиваютъ ихъ одна отъ другой. Этого явленія никакъ нельзя назвать дракой: трутни видимо выражаютъ восторгъ свой; они весело снуютъ по всему рою и трубятъ самымъ сильнымъ и энергическимъ голосомъ. Такое зрѣлище каждый пчеловодъ видитъ ежегодно, а во время роенія и ежедневно, но, по предубѣжденію, никому не приходитъ въ голову вывести изъ него сказанное мною заключеніе, и каждый относитъ его къ игрѣ или шалости этихъ насекомыхъ. Это предположеніе объясняетъ причину, почему матка, закладывая пчелиную дѣтку, закладываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и трутневую, а особливо передъ роеніемъ. Производя на свѣтъ пчель-самокъ, она производитъ для нихъ и соразмѣрное количество самцевъ-трутней. Быть можетъ, даже очень вѣроятно, что пчела, одинъ разъ совокупившись съ трутнемъ, сохраняетъ надолго способность плодотворенія, подобно многимъ яйценоснымъ животнымъ, вслѣдствіе чего, старая пчела, въ прошедшемъ году совокупившаяся съ трутнемъ, не имѣетъ болѣе къ тому побужденія, трутни же необходимы только для молодой пчелы. Этому можетъ быть подтвержденіемъ то обстоятельство, что, когда выходитъ первый рой, большею частію съ старою маткой и быть можетъ со старою пчелою, то его сопровождаетъ немного трутней; вторые рои, выходящіе съ молодою маткой и съ большимъ количествомъ молодой мухи, имѣютъ болѣе трутней; третіе же или четвертые рои, состоящіе почти исключительно изъ одной молодой мухи, имѣютъ на половину трутней. и столькоже ихъ остается и въ старомъ ульѣ, гдѣ тоже остается одна молодая пчела. Это очень сообразно съ потребностію пчелы, хотя одинъ разъ въ жизни, совокупиться съ самцомъ.

Безъ помощи матки, пчелы не могутъ производить подобныхъ себѣ совершенныхъ существъ; матка же, принимая отъ пчель плодо-

творную матерію и присоединяя къ ней свою, образуетъ настоящія яички, изъ которыхъ рождаются совершенными всѣ виды существъ пчелинаго семейства. Еслибы не было такого отношенія между пчелами и маткой, вслѣдствіе котораго она становится для нихъ единственнымъ существомъ, могущимъ дать полную жизнь ихъ зародышамъ, то, во-первыхъ, пчелы жили бы отдѣльно одна отъ другой, какъ мухи, а во-вторыхъ, между ними не было бы такой сильной любви и взаимности, которая, какъ извѣстно, въ царствѣ животномъ, бываетъ только вслѣдствіе половыхъ отношеній существъ между собою. Какъ пчелы любятъ свою матку, во всемъ ей повинуются, вездѣ за нею слѣдуютъ, кормятъ и берегутъ ее, такъ и матка любить своихъ пчелъ, любить быть только единственною между ними и потому уничтожаетъ всякую другую матку, а предвидя, съ увеличеніемъ семейства, необходимость для молодыхъ существъ другой матки, уходитъ съ приверженными пчелами изъ стараго жилища и ищетъ себѣ новаго. По такому моему предположенію, рабочая пчела, будучи въ отношеніи къ трутню самкой, становится въ отношеніи къ своей маткѣ самцомъ — какъ бы двуполымъ существомъ, гермафродитомъ.

Вотъ моя гипотеза о половыхъ отношеніяхъ существъ пчелинаго семейства. Быть-можетъ, она и невѣрна, но ею, какъ мнѣ кажется, можно объяснить всѣ явленія, какія до-сихъ-поръ замѣчены въ этомъ насѣкомомъ. Этой гипотезой объясняется и назначеніе трутней, и способность рабочихъ пчелъ класть яйца, и приверженность ихъ къ маткѣ, и необыкновенная плодовитость сей послѣдней, и, наконецъ, роеніе пчелъ. Матка сначала закладываетъ пчелиную черву, потомъ соотвѣтственное ей количество трутневой; когда же семейство ея значительно увеличится, и еще будетъ много червы, отъ которой оно еще болѣе можетъ умножиться, тогда она закладываетъ матокъ, и дождавшись удобнаго времени, сама, съ приверженными къ ней пчелами, оставляетъ улей. Еслибы она захотѣла остаться въ томъ же семействѣ, то она, быть можетъ, не имѣла бы возможности удовлетворить желаніямъ народившагося новаго поколѣнія, которое, оплодотворившись съ трутнями, чувствовало бы необходимость совокушиться съ нею или передать ей свою плодотворную влагу. А потому, она вылетаетъ навсегда изъ улья, вѣроятно вмѣстѣ со старыми пчелами, т. е. уже совокупившимися съ трутнями, и оставляетъ въ немъ новое поколѣніе съ новыми зародышами пчелъ, трут-

ней и матокъ. Когда народится новая муха и вылупится нѣсколько матокъ, тогда опять новая пчела съ трутнями, видя, что въ ульѣ должно еще народиться много новыхъ пчелъ и матокъ, избравъ себѣ новую матку, ищетъ новаго мѣста для своего поселенія.

Эти предположенія были составлены мною еще до 1857 года, до выхода въ свѣтъ сочиненія К. Ф. Рулье: *три открытія въ естественной исторіи пчелы*. По выходѣ этой брошюры, которую я получилъ только въ 1859 году, я думалъ найти въ ней окончательное разрѣшеніе этой двухвѣковой задачи о половыхъ отношеніяхъ пчелъ, и, въ случаѣ опроверженія моихъ предположеній объ этомъ предметѣ, бросить ихъ какъ неудачную мою попытку. Но послѣ самаго внимательнаго и безпристрастнаго обсужденія всего изложеннаго въ этой брошюрѣ, я рѣшаюсь сдѣлать извѣстными мои предположенія, какъ ни мало не опровергнутыя новѣйшими наблюденіями надъ пчелами.

Впрочемъ, моя гипотеза, сколько ни кажется мнѣ удовлетворительною, но чтобы ей быть вполне доказанною или же совершенно отвергнутою, требуетъ многихъ наблюденій и открытій. Нужно прежде всего сдѣлать множество дзирзоновскихъ опытовъ надъ матками съ подрѣзанными крыльями; потомъ, сдѣлать, напримѣръ, такой опытъ: изъ сильнаго пчелинаго семейства, гдѣ много пчелиной червы, готовой къ выходу и нѣсколько созрѣвшихъ маточниковъ, выгнать всю муху, вырѣзать въ гнѣздѣ трутневую черву, закрыть его и продержатъ нѣсколько дней въ тепломъ мѣстѣ. Потомъ, когда часть мухи вылупится, раскрыть готовую къ выходу матку и отвезти этотъ улей въ такое мѣсто, куда бы ни одна посторонняя пчела не залетала. Черезъ нѣсколько времени въ этомъ ульѣ вышла бы вся черва, которая, равно какъ и матка, не видѣла бы трутней, и слѣд. не могла бы имѣть съ ними совокупленія. Еслибы тогда матка заложила пчелиную черву въ гнѣздѣ, то этимъ подтвердилась бы гипотеза оплодотворенія матки и пчелъ еще въ зародышѣ ихъ, подобно бабочкѣ-липарисъ; но еслибы въ такомъ изолированномъ отъ трутней гнѣздѣ вовсе не оказалось никакихъ яичекъ, то это совершенно подтвердило бы мою гипотезу о двуполомъ устройствѣ рабочей пчелы, о совокупленіи ея сначала съ трутнемъ, а потомъ — съ маткой. Я пробовалъ дѣлать такой опытъ, но онъ мнѣ не удавался по близости сосѣднихъ пасикъ, пчелы которыхъ уничтожали такое гнѣздо, но, быть-можетъ, кому другому онъ и удастся. Но еслибы, послѣ такихъ тщательныхъ и многочисленныхъ наблюденій, подтвердилось и мое предположеніе о

копуляціи пчелъ съ трутнями, и ученіе Дзирзона о копуляціи матки съ трутнями, чего бы я даже желалъ, тогда бы составилось такое понятіе объ отношеніи существъ пчелинаго семейства: матка и рабочія пчелы суть самки; та и другія совокупляются съ самцами трутнями, и послѣ такого совокупленія и въ маткахъ и въ пчелахъ образуется матерія, изъ которой хотя и могутъ образоваться существа, но не совершенныя; но когда матка получивъ отъ рабочихъ пчелъ плодотворную влагу, присоединитъ къ ней свою, въ которой, положимъ, есть и живчики, тогда только, изъ положеннаго ею яичка образуется существо уже совершенное. Такое ученіе, которое соединяетъ въ себѣ всѣ противоположныя мнѣнія наблюдателей, и объясняетъ собою не часть, а уже всѣ извѣстныя доселѣ явленія въ жизни пчелинаго семейства, было бы уже вполне истиннымъ и, слѣд., окончательнымъ рѣшеніемъ этихъ таинственныхъ отношеній между собою трехъ различныхъ существъ пчелинаго семейства.

Поэтому я хотя питаю особенное довѣріе къ составленнымъ мною предположеніямъ, но имѣю въ виду также и то, что всѣ доселѣ сдѣланные опыты и наблюденія еще недостаточны для полнаго убѣжденія въ ихъ истинѣ, и если я рѣшаюсь теперь сдѣлать эти предположенія извѣстными, то единственно съ тою цѣлю, что, по мнѣнію моему, гипотезы о какомъ бы то ни было явленіи, какъ бы онѣ ни были нелѣпы, бываютъ часто полезны тѣмъ, что вызываютъ къ труду новыхъ дѣателей, которые проводятъ новыя идеи, и производятъ новыя, болѣе удачно поставленные опыты, которые, или подтверждаютъ прежнія предположенія изыскателей, или опровергаютъ ихъ и даютъ новое направленіе предмету. Я позволяю себѣ надѣяться, что многіе пчеловоды обратятъ на мои предположенія свое вниманіе, и не только попробуютъ пополнить мои наблюденія производствомъ своихъ опытовъ, о которыхъ я упомянулъ выше, но произведутъ также многіе другіе, которые послужатъ въ подтвержденіе или въ опроверженіе моихъ предположеній. Желательно только чтобы эти опыты, и всѣ соображенія пчеловодовъ по этому предмету не оставались безызвѣстными. Если они въ отдѣльности будутъ неполны и нерѣшительны, то, быть можетъ, изъ соображенія ихъ, можно будетъ впослѣдствіи вывести какое-либо положительное заключеніе. Какъ бы я желалъ, чтобы окончательное рѣшеніе этой двухълѣвой загадки половыхъ отношеній существъ пчелинаго семейства, надъ которою такъ много трудятся иностранные пчеловоды и натуралисты, досталась бы на долю нашихъ пчеловодамъ!..

При всемъ моемъ несогласіи съ мнѣніемъ Рулье о томъ, что ученіе Дзирзона будто бы окончательно уже разрѣшило эту задачу, я не могу не отдать полной справедливости покойному профессору за сочиненіе его: *три открытія въ естественной исторіи пчелы*. Это сочиненіе есть первое, которое объяснило намъ историческое развитіе ученія о зарожденіи пчелъ и о половыхъ отношеніяхъ существъ пчелинаго семейства, и заявило, что разрѣшеніемъ вопроса о зарожденіи пчелы занимаются и теперь многіе пчеловоды и натуралисты германскіе. Жаль только, что они оставляютъ безъ вниманія наши наблюденія и мнѣнія.

Въ сочиненіи г-на Рулье находится изображеніе внутренняго устройства брюшка матки, сдѣланное еще Сваммердамомъ.

ПИСЬМО VII.

Второй періодъ состоянія пасѣки: — роеніе пчелъ. Причины роенія. Два рода роенія. Изобрѣтеніе искусственнаго роенія. Дѣланіе искусственныхъ роевъ. Методы пчеловодства: хозяйственная, промышленная и смѣшанная. Исправленіе слабыхъ пчелъ роями. Прекращеніе роенія пчелинаго семейства. Занятіе въ пасикѣ во время этого періода.

Роеніе пчелъ есть отдѣленіе части пчелинаго семейства и удаленіе ея изъ роднаго жилища. Это явленіе принадлежитъ къ числу необыкновенныхъ въ природѣ, но крайней мѣрѣ, сколько намъ до-сихъ-поръ извѣстно, оно свойственно однимъ только пчеламъ. Причина роенія пчелъ, по моей гипотезѣ о половыхъ отношеніяхъ ихъ между собою, есть потребность чувства любви, дарованное природою вообще всѣмъ тварямъ, но котораго до сихъ поръ натуралисты не признаютъ въ пчелахъ. Когда увеличеніе пчелинаго семейства доходитъ до огромнаго количества, простирающагося иногда до сорока и болѣе тысячъ пчелъ, изъ которыхъ каждой хочется жить и любить: тогда невозможность одной матки удовлетворить любви всѣхъ заставляетъ пчелъ заботиться о выведеніи большаго количества матокъ. Вслѣдствіе этого, пчелы дѣлаютъ маточники, матка кладетъ въ нихъ яички, которыя

потомъ, пчелы, по своему произволу или по чувству потребности, возвращаютъ или уничтожаютъ. Когда выплываютъ молодыя матки, тогда старая матка, не желая имѣть себѣ соперницы, удаляется изъ улья, а съ нею и приверженныя къ ней, вѣроятнѣе всего, старыя пчелы. Что улей оставляетъ старая матка, а не молодая, это происходитъ быть можетъ еще и оттого, что въ то время пчелы необыкновенно расположены къ любви, вслѣдствіе чего слишкомъ изобильно осѣменяютъ матку, въ старомъ же ульѣ, гдѣ все гнѣздо занято червою или медомъ, нѣтъ ячеекъ для положенія яичекъ. Ссыскавши новое мѣсто, пчелы необыкновенно быстро дѣлаютъ вошину, и по мѣрѣ того какъ она поспѣваетъ, матка кладетъ въ ячейки сѣмена. Молодая же матка, которая остается въ ульѣ, не вдругъ дѣлается плодовитою, и самыя пчелы не вдругъ оплодотворяются трутнями, а потому они удобнѣе могутъ ожидать того времени, когда, по выходѣ червы, будетъ вновь мѣсто и для кладки яичекъ. Эти, по мнѣнію моему, естественныя причины производятъ роеніе пчелъ, которое, поэтому, можно назвать слѣдствіемъ ихъ любви. Это сильное расположеніе пчелъ къ любви и, вслѣдствіе того, сильная плодовитость матки бываютъ только подъ условіемъ извѣстной, довольно высокой, температуры и при изобиліи хорошаго корма, а потому, когда весна бываетъ теплая и погода постоянная, тогда при хорошемъ кормѣ, даже искусственномъ, пчела будетъ хорошо роиться; напротивъ въ холодную, дождливую и непостоянную весну, она нѣсколько разъ готовится къ роенію и потомъ уничтожаетъ маточники, такъ-что часто мало, или же и вовсе не роится. Замѣчу еще одно важное свойство роевъ по выходѣ ихъ изъ роднаго своего улья: гдѣ бы вы ихъ ни поставили, они тотчасъ привыкаютъ къ новому своему мѣсту и *роевая муха* никогда не возвращается къ старому семейству, даже если вы какого роя и не поставите отдѣльно и соедините съ другимъ семействомъ, чего, въ другое время, какъ вамъ извѣстно, не бываетъ, и пчела *перороевая* переселенная въ другое мѣсто, всегда возвращается на старое. Поэтому *роевая муха* есть самая удобнѣйшая для усиленія слабыхъ пчелъ.

Кто занимается пчеловодствомъ, какъ хозяйственною статью и какъ удовольствіемъ, тому зрѣлище выхода роя доставляетъ большое наслажденіе. Сначала видѣнъ необыкновенный и быстрый вылетъ пчелы изъ улья, предъ которымъ она сгущается почти облакомъ; потомъ разнообразный, круговращательный полетъ по пасикѣ, гдѣ она видимо наслаждается своею жизнію и—то вертится быстро, то гоняется одна

за другою и сѣпляется съ трутнями: все это сопровождается самымъ радостнымъ жужжаніемъ, которымъ любитель природы всегда будетъ надаться также какъ шумомъ водопада или ревомъ моря. Къ этому величественному зрѣлищу особенно равнодушны пчеловоды. Кристь говорить, что любитель природы не промѣнялъ бы его ни на какое театральное зрѣлище, а для него этотъ пчелиный концертъ пріятнѣе иного музыкальнаго концерта, хотя онъ также любитель и музыки. Любуйтесь этимъ зрѣлищемъ смѣло и не бойтесь пчелинаго жала. Пчела въ это время бываетъ очень кротка, и не укуситъ васъ если вы ее не прижмете или не ударите.

Первоначально, въ пчеловодствѣ, было одно только естественное или натуральное роеніе и пчеловоды долго имъ довольствовались; но какъ пчела роится не каждый годъ, а безъ роевъ не знали прежде никакого способа получить отъ пасики значительный доходъ, то придумали еще другой, искусственный, способъ роенія. Поэтому, въ настоящее время два рода роенія: *естественное*, когда пчелиное семейство само собою отпускаетъ роя, и *искусственное*, когда пчеловодъ отбираетъ его отъ семейства, и поэтому первые рои называются *натуральными*, а вторые *искусственными*, или *насильными*.

Когда пчелиное семейство готовится къ естественному роенію, то въ маточникахъ, поставленныхъ на ребрахъ или концахъ воицны, появляются сначала яички, по одному въ каждомъ, потомъ они наполняются постепенно густою, бѣлою наподобіе молока жидкостію, въ которой совершенно тонетъ родившійся изъ яйца червячекъ; наконецъ маточники печатаются, и чрезъ двѣнадцать или четырнадцать дней отъ положенія яичка, выходятъ изъ нихъ матки, послѣ появленія которыхъ въ ульѣ, если только благопріятствуетъ погода, выходитъ первый рой, или *первакъ*, съ старою маткою. Сначала рой летаетъ по пасикѣ, а потомъ гдѣ нибудь собирается въ кучку около своей матки, гдѣ будетъ сидѣть часа два; въ это время его убираютъ въ улей. Всегда стараются чтобы рой собрался въ поставленную для того нарочно сборню, натертую растѣніемъ мелиссы или маточникомъ, куда онъ большею частію и садится. Матка перваго роя, будучи старою и сѣмешною, отъ слабости или тягости выходитъ изъ улья очень медленно, а иногда возлѣ него падаетъ; поэтому искусный пасичникъ, во время выхода перваго роя, сидитъ всегда возлѣ летика улья и схватываетъ матку руками, которую, посадивъ въ клѣточку, ставитъ въ сборню, что значительно ускоряетъ поимку

роя. Первые рои, выходящіе изъ ульевъ имѣющихъ природную матку, которые собственно и называются перваками, имѣютъ ее всегда одну, и поэтому матку сажаютъ въ улей прямо безъ всякой переборки пчелы. Но иногда даютъ роя и такіе ульи, которые, лишившись природной своей матки, выплодили потомъ у себя нѣсколько свищевыхъ матокъ, и какъ въ такихъ рояхъ, хотя и первакахъ, бываетъ по нѣскольку матокъ, то, при посадкѣ ихъ въ улей, перебираютъ пчелу, излавливаютъ всѣхъ матокъ и даютъ рою только одну лучшую; такимъ же образомъ поступаютъ при вторыхъ и третьихъ рояхъ. Пчеловодамъ часто кажется, что первые рои выходятъ прежде нежели изъ маточниковъ выйдутъ молодыя матки. Это потому, что они въ то время видятъ наружные маточники, бывающіе на концахъ вошницы; но пчелы закладываютъ прежде маточники внутри гнѣзда, которыхъ нельзя видѣть, и изъ которыхъ, какъ прежде заложенныхъ, матки выходятъ ранѣе. Появленіе этихъ матокъ можно узнать по ихъ писку или пѣнію, которое отличается совершенно отъ пчелинаго жужжанія и слышно даже внѣ улья, особенно вечеромъ. По выходѣ изъ улья первака, дней чрезъ шесть, а иногда ранѣе или позже, выходитъ другой рой, или *другакъ*; потомъ чрезъ день послѣ сего третій, и такъ далѣе. Всѣ эти рои выходятъ уже съ молодыми матками, которыхъ имѣютъ отъ одной и до десяти, вслѣдствіе чего посадка ихъ въ ульи должна производиться съ переборкою пчелы. Вторые и последующіе рои бываютъ менѣе первыхъ, а потому не всегда сажаются отдѣльно, но соединяются по два или по три роя въ одно семейство. Иногда, въ хорошее лѣто, первые рои даютъ сами роевъ, которые называются *парои*.

Вообще при натуральномъ роеніи, слѣдуетъ имѣть правиломъ: 1-е, сажать большіе, сильные рои, потому что слабые будутъ худо плодиться, и мало внесутъ меду. Величину ихъ можно соображать съ временемъ. Если ройба началась рано, то вначалѣ можно ставить рои и не такъ сильные съ двумя фунтами мухи, потому что ко времени взятка онѣ успѣютъ еще сами собою усилиться, но съ приближеніемъ взятка необходимо ставить ихъ сильнѣе; рой же, выходящіе въ самое взяточное время, должны быть какъ можно сильнѣе, фунтовъ до шести. 2-е. Не ослаблять старыхъ пчелъ. Поэтому не слѣдуетъ желать, чтобы улей слишкомъ роился; достаточно, если онъ дастъ одного роя и, развѣ очень сильный, двухъ; еслижъ онъ будетъ роиться болѣе, то не допускать его къ тому, извѣстными способами;

иначе онъ до-того изроится, что не только будетъ хуже роевъ своихъ, но можетъ и совершенно погибнуть. 3-е. Не допускать въ одномъ роѣ нѣсколькихъ матокъ, отчего пчелы бунтуются и часто оставляютъ улей; но, отобравъ всѣхъ матокъ, дать рою одну любимую матку и то, сначала, въ клѣточкѣ.

Другой видъ роевъ составляютъ искусственные или насильные рои. Самовыплаживаніе пчелами свищевой матки открытъ, въ концѣ прошедшаго столѣтія, какъ я уже говорилъ выше, нѣмецкій пчеловодъ и натуралистъ Ширахъ, который, заключивъ въ нѣсколько отдѣльныхъ ящичковъ по одному соту съ пчелиной дѣткой и пчелой, увидѣлъ потомъ, что въ каждомъ изъ нихъ пчелы сами вывели себѣ матокъ. Это подало ему мысль къ дѣланію искусственныхъ роевъ, чѣмъ онъ доказалъ неслыханную до того новость, что изъ каждаго пчелинаго червя, до трехдневнаго его возраста, можетъ вылодиться пчелиная матка, между-тѣмъ какъ въ то время думали, что пчелиная матка рождается только изъ особыхъ яичекъ, которыхъ будто бы матка несетъ много, но пчелы ихъ прячутъ въ особомъ мѣстѣ и хранятъ до надобности. Открытіе Шираха развило въ-особенности французскій пчеловодъ Пальто, а Кристъ изложилъ очень много правилъ и пріемовъ дѣланія искусственныхъ роевъ. Нашъ Прокоповичъ обогатилъ это открытіе многими новыми наблюденіями и правилами, и первый сдѣлалъ извѣстною у насъ эту методу роенія. Въ настоящее время, ученикъ и послѣдователь его Пономаревъ, въ своемъ сочиненіи о пчеловодствѣ, объяснилъ этотъ предметъ самымъ лучшимъ образомъ.

Искусственный рой отбирается отъ пчелинаго семейства преимущественно въ то время, когда оно уже само готовится къ роенію и имѣетъ уже печатные маточники или только налитые, называемые *назолки*. Рои съ назонокъ я и буду называть собственно *искусственными*. Но очень часто они отбираются гораздо ранѣе появленія зародыша въ маточникахъ, когда въ ульѣ бываетъ много мухъ и много червы. Такіе рои, взятые съ червы, я буду называть, для различія отъ первыхъ, *насильными*. Преимущество искусственныхъ роевъ предъ натуральными состоитъ въ томъ, что, 1-е, рои эти можно дѣлать произвольной величины, тогда-какъ натуральные бываютъ величины случайной; 2-е, при натуральномъ роеніи, когда нѣсколько роевъ выходитъ вмѣстѣ, они смѣшиваются и уничтожаютъ или калѣчатъ много матокъ; разбирать ихъ потомъ трудно: этого не бываетъ при искус-

ственномъ роеніи; 3-е, насильными роями вѣрнѣе и значительнѣе увеличивается пасика, тогда—какъ неблагопріятная погода можетъ очень уменьшить натуральное роеніе или, даже, совершенно не допустить его; когда же пасика не увеличится роями, то, при употребленіи исключительно цѣльныхъ ульевъ, нельзя получить иного дохода отъ пасики, какъ уничтоженіемъ старыхъ пчелъ и чрезъ то уменьшить ея комплектъ. Невыгода же искусственныхъ роевъ противъ натуральныхъ заключается въ томъ, что они, 1-е, требуютъ вывозки ихъ изъ пасѣки; если же оставляются въ ней, то требуютъ много заботъ и предосторожностей; 2-е, ихъ труднѣе отбирать нежели натуральные, и 3-е, въ ульяхъ, изъ которыхъ взяты насильные рои съ червы, выводятся не натуральныя матки, а свищевыя, которыя, какъ извѣстно, не всегда бываютъ добрыми.

Выгоды и недостатки одного и другаго вида роенія пчелъ породили много мнѣній и споровъ, которые и теперь еще остаются нерѣшенными. Одни пчеловоды придерживаются только натурального роенія и свойственной ему методы пчеловодства, доказывая основательность своихъ убѣжденій, кромѣ трудностей операций, требуемыхъ искусственнымъ роеніемъ, преимущественно тѣмъ, что отъ сего послѣдняго роенія заводится въ пасикѣ много свищевыхъ матокъ, которыя, если и бываютъ добрыми, то недолговѣчны, а также и тѣмъ, что искусственные рои составляютъ большой рискъ, и если отъ нихъ, прихорошемъ взяткѣ, бываетъ большая выгода, за то не только при худомъ, но даже при посредственномъ взяткѣ, погибаютъ какъ самыя рои, такъ и старыя семейства, которыя такимъ роеніемъ ослабляются и получаютъ дурныхъ матокъ. Методы натурального роенія придерживаются, большею частію, простолюдины и помѣщики, неимѣющіе ученыхъ и опытныхъ пасичниковъ; ее можно назвать *натуральною* или *хозяйственною* методою пчеловодства. Другіе же пчеловоды, напротивъ, не ожидая натурального роенія, которое не всегда бываетъ успѣшно, въ видахъ полученія отъ пасики болѣе прибыли, берутъ насильные рои изъ каждаго улья, изъ котораго только можно ихъ взять, не смотря на то, готовится ли онъ къ роенію или нѣтъ, и такимъ способомъ быстро увеличивая, даже удвоя, свою пасику, въ хорошее лѣто получаютъ очень значительный доходъ. Эту методу можно назвать *промышленною*, потому что ее употребляютъ большею частію пчеловоды—промышленники, думающіе только о наивозможно-большемъ полученіи дохода отъ своей пасики. Этой методѣ слѣдуютъ у насъ

всѣ пчеловоды-старообрядцы, живущіе въ Новозыбковскомъ уѣздѣ и служащіе пасичниками у многихъ помѣщиковъ другихъ уѣздовъ. При благопріятномъ лѣтѣ, быстрое увеличеніе пасики и большое количество продаваемого меда, удивляя и восхищая многихъ, заставляетъ ихъ слѣпо слѣдовать этой промышленной методѣ. Но какъ послѣдствія ея, при неблагопріятномъ лѣтѣ, бываютъ иногда до-того пагубны, что разомъ уничтожается почти вся пасика, то нельзя сказать, чтобы она была дѣйствительно лучше хозяйственной методы. — Которой же изъ нихъ слѣдовать?—По моему мнѣнію, въ простомъ пчеловодствѣ, при неопытныхъ пасичникахъ, гораздо лучше придерживаться натурального роенія; но кто имѣетъ у себя знающаго пасичника, тотъ долженъ въ этомъ случаѣ избрать путь, указанный намъ Прокоповичемъ и объясненный Пономоревымъ, который я постараюсь изложить здѣсь систематическимъ образомъ.

Начну съ того, что искусственные рои не всегда берутся только по произволу пчеловода, но иногда они составляютъ необходимость; такъ, во 1-хъ, бываютъ такіа пчелиныя семейства, которыя независимо отъ погоды, то приготовятся къ роенію, то уничтожатъ назошки, что повторяя нѣсколько разъ, потомъ совершенно не роятся. Съ такихъ пчелъ необходимо взять искусственные рои, иначе вы потеряете новое и хорошее пчелиное семейство. Во 2-хъ, инныя семейства бываютъ до-того сильны, что мухи въ нихъ полонятъ улей, а между-тѣмъ, хотя уже и роевая пора, но они и не думаютъ ройтись, и ежели ихъ такъ оставить, то они впослѣдствіи ослабѣютъ; съ такихъ пчелъ, по тому же расчету, необходимо брать насильные рои, хотя бы то и съ червы. Въ 3-хъ, при перевозкѣ пасѣки инныя пчелы до-того бываютъ сильны, что едва помѣщаются въ ульѣ; если изъ нихъ не взять насильныхъ роевъ, хотя бы они впослѣдствіи и могли дать натуральныхъ, то они могутъ задохнуться или обломать соты. Этихъ трехъ случаевъ достаточно уже, чтобы видѣть, какъ много теряютъ тѣ, которые придерживаются одного натурального роенія. Но польза искусственнаго роенія очевидна еще и въ другихъ случаяхъ, а именно: 1-е. Въ большой пасикѣ, гдѣ въ одинъ день выходитъ пятьдесятъ и болѣе натуральныхъ роевъ, они непременно смѣшаются, отъ чего погибнуть многія хорошія матки, и самый разборъ ихъ будетъ труднѣе нежели взятіе искусственныхъ роевъ; кромѣ того, изъ пятидесяти роевъ натуральныхъ едва удастся пасичникамъ поставить тридцать, тогда какъ взявши эти пятьдесятъ роевъ искусственнымъ образомъ

вы не подвергнете ихъ никакимъ приключеніямъ и все они будутъ цѣлы и хороши; 2-е. Многія сильныя пчелы даютъ очень слабыхъ натуральныхъ роевъ; а искусственнымъ образомъ можно взять у нихъ рои желаемой величины; 3-е. Съ первыми роями, которые всегда бываютъ лучшими, обыкновенно выходятъ старыя матки, которыя, вылетая изъ улья, иногда отъ слабости, и въ самую тихую погоду падаютъ на землю и теряются, а потеря такой матки очень значительна; но этого не бываетъ, когда эти рои отбираются искусственнымъ образомъ.

Но эта метода искусственныхъ роевъ, при всѣхъ своихъ выгодахъ, будетъ не только бесполезною, но даже губительною, если брать насильно рои безъ всякаго соображенія, на—удачу, какъ дѣлаютъ большею частію пчеловоды — промышленники, а потому въ ней слѣдуетъ руководствоваться слѣдующими правилами: 1-е. Брать рои только съ *прибора*, т. е. изъ тѣхъ пней, въ которыхъ появятся печатные или налитые маточники, назошки, чрезъ—что не только рои будутъ хороши, но изройки будутъ имѣть натуральныхъ матокъ, и слѣдовательно не заведется въ пасикѣ множество свищевыхъ матокъ, какъ бываетъ при промышленной методѣ. 2-е. На основаніи этого правила, а также вслѣдствіе того, что рои, выходящіе натурально съ старыми матками, часто ихъ теряютъ, должно все первые рои, особливо въ большой пасикѣ, отбирать непременно искусственно. 3-е. Въ трехъ вышеуказанныхъ мною случаяхъ, а именно, когда пчелы, приготавлиаясь къ роенію, уничтожаютъ потѣмъ свои назошки, когда онѣ, будучи очень сильны, не приготавлиаются къ роенію въ самое роевое время и, наконецъ, при перевозкѣ пасики изъ ульевъ, полныхъ муху, необходимо брать искусственнымъ образомъ рои не только съ приборныхъ пчелъ, но даже съ червы. 4-е. Всѣхъ вообще искусственныхъ роевъ, особенно раннихъ, сажать на медки, и позднѣйшихъ, за неимѣніемъ медковъ, на вошанки, и отбирать ихъ не иначе какъ вѣсомъ; ранніе рои могутъ быть меньше, а поздніе — больше. Меньшій вѣсъ раннихъ роевъ, сажаемыхъ на медки, можетъ быть два съ половиною фунта; по мѣрѣ приближенія взятка нужно постепенно увеличивать вѣсъ ихъ до шести фунтовъ, а для сажаемыхъ на вошанки, — что можно дѣлать только при началѣ яриннаго взятка, — меньшій вѣсъ можетъ быть пять фунтовъ. 5-е. При отборѣ искусственныхъ роевъ, кромѣ знанія правилъ, должна быть соблюдаема акуратность, большая осторожность и необходимое проворство, — чего ловкій пасѣчникъ при

частыхъ опытахъ можетъ легко достигнуть. Легче отбирать искусственные рои изъ тѣхъ ульевъ, у которыхъ снимается дно и пчела гонится чрезъ голову улья. Въ линейныхъ ульяхъ ловкимъ пасичникомъ отбирается рой въ пять и не болѣе десяти минутъ. 6-е. Въ-особенности надобно стараться, чтобы рои эти *по посадкѣ въ ульи* не слетали на старые ульи: въ такомъ случаѣ они ослабѣютъ и пропадутъ, и вы только напрасно разстроите старое семейство. Для этого, лучше всего вывозить ихъ изъ пасики въ другое мѣсто, не ближе четырехверстнаго разстоянія: поэтому, выгоднѣе всего отбирать ихъ при перевозкѣ пасики. Но можно ставить и въ одной пасикѣ каждый рой возлѣ его изройка, по способу ихъ раздвиганія, въ особенности если ульи въ пасикѣ стоятъ рѣдко, не менѣе сажени одинъ отъ другаго. Этотъ способъ, однакожъ, требуетъ большой внимательности пасичника; при заботливости и знаніи, онъ также безопасенъ, какъ и первый. Я всегда употребляю этотъ способъ, и всегда удачно, а перевозкой пользуюсь только при случаѣ. Способъ этотъ объясненъ мною въ письмѣ XI-мъ.

Руководясь этими правилами, при искусствѣ и ловкости пасичника, вы всегда будете имѣть отъ своей пасики болѣе выгоды, нежели въ томъ случаѣ, еслибы вы придерживались исключительно одного только натурального роенія, и будете подвергаться менѣе риску, нежели при промышленной методѣ. Вы будете всегда имѣть больше и лучшихъ роевъ, которые, такъ же какъ и ихъ изройки, сдѣлавшись къ яринному взятку сильными, даже при посредственности его, внесутъ достаточно меду и, слѣдовательно, вы получите болѣшую пользу. Совершенно скудный взяткъ будетъ конечно губителенъ для пасики, но это самое случилось бы и при натуральномъ роеніи, ибо, по этой методѣ, насильнымъ роеніемъ вы берете почти тѣхъ же натуральныхъ роевъ только искусственнымъ образомъ. Методу эту, для отличія ея отъ натуральной, промышленной, я назову *сильшанною*, такъ-какъ въ ней приняты всѣ три рода роенія: натуральное, искусственное и насильное. Всѣ эти три методы, имѣющія цѣлю главнымъ образомъ увеличеніе пасики, предполагаютъ полученіе отъ нея дохода не иначе, какъ посредствомъ уменьшенія количества пасики увеличившейся роями, чрезъ умерщвленіе части ея пней, — о чемъ я буду говорить впоследствии.

Для тѣхъ пчеловодовъ, которые держатъ пчелъ въ цѣльныхъ ульяхъ, всѣ эти способы роенія не представляютъ достаточно надежнаго

способа для получения хорошаго дохода въ перонистое лѣто. Не увеличивая числа семействъ, они должны лишиться почти всякаго дохода отъ пасики; съ другой стороны, не зная, будетъ ли впереди хорошій и продолжительный взятокъ, они не могутъ рѣшиться брать насильныхъ роевъ съ червы, потому что, въ случаѣ неудачи, они рискуютъ потерять всю пасику. Поэтому во всякое перонистое лѣто эти пчеловоды бываютъ сначала въ большомъ недоумѣніи, а по истеченіи его, если они были осторожны, то почти не получаютъ дохода отъ пчелъ; если же дѣйствовали на авось, то торжествуютъ удаче риска или оплакиваютъ потери. Эти обстоятельства бываютъ причиною всѣхъ тѣхъ безконечныхъ толковъ о преимуществахъ различныхъ способовъ роенія пчелъ, которые постоянно ведутся между пасичниками, и частыхъ переменъ убѣжденій пасичниковъ, послѣ испытанныхъ ими потерь или удачъ. Въ продолженіи моихъ занятій пчеловодствомъ, обсуждая и испытывая всѣ эти методы, я подвергался также частымъ колебаніямъ, но наконецъ рѣшилъ мои недоумѣнія только тѣмъ, что оставилъ цѣльные ульи и ввелъ составные, и теперь рѣшаюсь сказать, что одно только веденіе пчелъ въ составныхъ ульяхъ есть единственное средство, которое можетъ избавить пчеловода отъ рисковъ и колебаній, при избраніи системы роенія пчелъ, и принести ему, во всякомъ случаѣ, обильный доходъ. Въ такой пасикѣ, еслибы роевъ и вовсе не было, при изобильномъ взяткѣ, получится тотъ же самый доходъ безъ уменьшенія пасики, какой бы могъ получиться и при роеніи, а иногда и болѣе; въ случаѣ же скуднаго взятка, нѣтъ риска лишиться всей пасики. Особенно легко и удобно достигается все это въ линейныхъ ульяхъ, о чемъ я буду говорить впослѣдствіи. Прежде нежели я достигнулъ въ своей пасикѣ до надлежащаго количества линейныхъ ульевъ, я придумалъ еще одну особую методу для полученія и изъ цѣльно-улейной пасики значительнаго дохода, не уменьшая увеличившагося роями количества пасики и не подвергая ее, въ случаѣ неблагоприятнаго взятка, значительному риску, — о чемъ также скажу въ другомъ мѣстѣ.

Теперь обратимся къ занятіямъ въ пасикѣ въ продолженіе періода роенія. Они бываютъ слѣдующія:

1. *Отборъ и посадка роевъ.* Въ это время пасичникъ долженъ неотлучно находиться въ пасикѣ, и къ нему, смотря по величинѣ ея, нужно еще прибавить рабочихъ людей, проворныхъ и хотя нѣсколько приученныхъ къ обращенію съ ульями. При пересмо-

трѣ пасики, почти ежедневномъ, необходимо отмѣчать приборные ульи установленными для того знаками, изображающими различный возрастъ маточниковъ, и, при натуральномъ роеніи, слѣдить за приборными ульями, не прозѣвать выхода роя; при выходѣ перваковъ, сидѣть у самага летика и стараться изловить матку, а потомъ, собравши рой, сажать ихъ, со всеми предосторожностями, въ заблаговременно приготовленные, съ медками или вошанками, ульи. По выходѣ вторыхъ и послѣдующихъ роевъ, въ которыхъ большею частію бываетъ нѣсколько матокъ, никогда не сажать ихъ въ ульи, не отобравъ всехъ матокъ, какъ то дѣлаютъ простолудины, отъ чего матки дерутся, иногда погибаютъ лучшія изъ нихъ, и рой бунтуютъ. Наблюдать, чтобы натуральные рой имѣли достаточно силы, и ежели выходить малые рой, то ихъ или соединять по два вмѣстѣ, или же усиливать ими слабыхъ перваковъ, или изройковъ. При искусственномъ роеніи, изъ отмѣченныхъ вечеромъ приборныхъ ульевъ, на слѣдующее утро отобрать рой, и стараться кончить это пораньше, до вылета пчелы на взяткъ, если только погода не сдѣлается холодною. При этомъ надобно стараться какъ можно скорѣе изловить матку, ибо чѣмъ она скорѣе будетъ поймана, тѣмъ скорѣе сдѣлается искусственный рой, но надобно быть также очень осторожнымъ, чтобы не задавить ея. Для отбора искусственныхъ роевъ поставить попарно пасичника съ рабочимъ и каждой парѣ брать рой особо, что ускоряетъ работу. По отборѣ роевъ, непременно по вѣсу мухи и по посадкѣ ихъ въ ульи, необходимо или вывозить ихъ изъ пасики, или же ставить возлѣ ихъ изройковъ, поступаая при этомъ такъ, какъ будетъ сказано въ письмѣ XI-мъ. По посадкѣ въ ульи какъ искусственныхъ, такъ и натуральныхъ роевъ, необходимо сдѣлать на нихъ постоянную надпись года и дня посадки роя, а также первый ли или второй рой; на изройкахъ отмѣтить время выхода, или отбора изъ нихъ, роевъ, что необходимо какъ для наблюденія надъ роями, такъ и для другихъ работъ. Изъ ульевъ, у которыхъ взяты первые искусственные рой, вторые выходить большею частію натурально; но если они не выходятъ, а въ изройкѣ сила и черва большія, то можно брать и вторые рой искусственно, но уже такъ, что для роя забрать почти всю муху, а на изройка, въ которомъ останется много червы, накинуть маленькаго натурального ройка.

2. *Усиленіе слабыхъ.* Когда нѣкоторыя пчелиныя семейства отъ какихъ либо обстоятельствъ ослабѣли, то въ это время представляется

самый лучший случай ихъ усилить. Для этого уже не нужно подбавлять имъ мухи изъ другихъ ульевъ, пересаживать, или переставлять ихъ — какъ дѣлалось до ройбы, а стоитъ только накинуть имъ натурального ройка, такого, котораго особо сажать не слѣдуетъ, или прибавить имъ сколько нужно роевъ мухи, имѣющей свойство тотчасъ привыкать къ новому своему жилищу и не возвращаться въ старое. Такія усиленныя пчелы, если уже и не будутъ ройтись, то, по крайней мѣрѣ во время взятка, внесутъ довольно меду и будутъ хорошими *зимовиками* — пчелами, оставляемыми въ зиму. Вообще надобно постоянно помнить основное правило, что выгоднѣе имѣть менѣе пчелъ, но сильныхъ, нежели много слабыхъ, а потому не слѣдуетъ стараться каждый небольшой роекъ сажать въ отдѣльный улей, но лучше употребить его на усиленіе слабого.

3-е. *Недопущеніе изройковъ до ослабленія.* Иныя пчелы даютъ двухъ и болѣе роевъ, которые, будучи всегда небольшими, не могутъ быть сажаемы отдѣльно; изройки же при этомъ сильно ослабѣваютъ. Для предупрежденія этого нужно въ старомъ ульѣ, по выходѣ изъ него перваго или втораго роя, смотря по силѣ его, посчитать всѣ маточки; если же и послѣ сего онъ будетъ продолжать отпущать роевъ, то нужно выгнать изъ него всю муху и, соединивъ ее съ вышедшимъ роємъ, посадить въ особый улей, т. е. сдѣлать насильнаго втораго роя, а на гнѣздо изройка накинуть маленькаго натурального ройка. Ко взятку они будутъ оба хороши, а безъ этого они будутъ оба слабы и, слѣдов., не въ состояніи будутъ внести себѣ достаточно на зиму меду. Вообще на изройковъ надобно обращать большое вниманіе и не допускать ихъ до слабости: они большею частію предназначаются для полученія отъ нихъ меду въ доходъ, а потому нужно чтобъ было кому работать и наполнять медомъ ихъ длинные запасы. Но многіе пасѣчники объ этомъ не заботятся и, какъ остроумно замѣчаетъ Пономаревъ, хотя, во время большого выхода роевъ, въ пасикѣ у нихъ есть такіе изройки, которые едва существуютъ, но они бѣгаютъ, ищутъ новой посуды и дорого за нее платятъ, не подозрѣвая вовсе того, что у нихъ есть очень достаточно ульевъ — слабыхъ изройковъ, куда они могли бы посадить рой, и не только избавили бы себя отъ хлопотъ и убытка, но даже получили бы гораздо больше пользы, нежели сажая каждый маленький рой отдѣльно.

4-е. *Исправленіе безматковъ.* Во время роенія, когда такъ

много молодых и хороших матокъ, надобно всёмъ тѣмъ семействамъ, которыя не имѣютъ матокъ или имѣютъ худыхъ, дать новыхъ хорошихъ матокъ. Въ это время слѣдуетъ: 1-е, удостовѣриться въ качествѣ свищевыхъ матокъ, ежели таковыя завелись въ нѣкоторыхъ семействахъ, и если онѣ дурны, то перемѣнить; 2-е, наблюдать, есть ли матки и хороши-ли онѣ у первыхъ искусственныхъ или натуральныхъ роевъ, — что узнается по червѣ и другимъ признакамъ гнѣзда, и въ случаѣ неблагополучія дать новыхъ матокъ, за которыми опять имѣть такое же наблюденіе; 3-е, наблюдать за качествомъ матокъ у тѣхъ изройковъ, которые не предназначаются для подкурки на медъ, а пойдутъ въ зиму или на перегоны; у тѣхъ же, которые назначаются на медъ, если матки нѣтъ, особенно если это случится уже во вѣрное время, то нѣтъ надобности давать ее имъ, и даже иногда лучше, если можно лишить ихъ матки. Въ такихъ изройкахъ, по выходѣ изъ ячеекъ всей червы, прежде нежели свищевая матка будетъ способна класть яички, пчелы залиютъ медомъ всю вошину, а отъ этого по окончаніи взятка, у нихъ не только будетъ болѣе меду, но медъ, сверхъ того, будетъ совершенно чистый и безъ червы.

5-е. *Кормленіе пчелы.* Въ роевое время, если въ природѣ нѣтъ обильнаго взятка, вся пасека требуетъ хорошаго корму отъ хозяина; особливо онъ нуженъ молодымъ роямъ, которые, если не будутъ достаточно кормлены, то, ослабѣвъ, или погибнутъ, или же если доживутъ до яриднаго взятка, то не будутъ въ состояніи внести себѣ достаточно меду на зиму. Поэтому, въ роевое время нечего жалѣть меду и надобно кормить, какъ вообще всю пасику на корыто, такъ особливо рой, тѣмъ-болѣе въ ненастную погоду, подставкою меду въ корытцахъ.

6-е. *Перевозка пасики.* Пасеки, расположенныя въ лѣсной или луговой мѣстности, гдѣ бываетъ изобиліе весенній взятковъ, болѣею частию отроиваются на мѣстѣ, до яриднаго взятка; но полевые пасеки роятся позже, и очень часто роеніе ихъ происходитъ въ то время, когда нужно перевозить пасику къ степному или яровому взятку. Такая необходимость перевозки, кромѣ пользы хорошаго взятка, можетъ быть выгодна и для роенія. Если вы вспомните необходимость отвоза изъ пасеки всѣхъ сильныхъ роевъ, то догадаетесь какъ можно воспользоваться въ этомъ случаѣ перевозкою пасеки. Если перевозка пасеки случится въ роевое время, то сначала нужно постепенно отвозить въ избранное новое мѣсто всѣхъ взятыхъ прежде искусствен-

ныхъ роевъ и усиленныхъ пчелъ, а потомъ, во время самой перевозки, взять насильные рои изъ всѣхъ тѣхъ ульевъ, которые къ тому назначены вами, и, по отвозѣ ихъ изройковъ, дня черезъ два, перевезти ихъ въ новую пасику.

Когда будутъ приняты во вниманіе всѣ изложенныя въ этомъ письмѣ правила, тогда къ яринному взятку — этому важнѣйшему періоду пчеловодства, при благоприятной, разумѣется, погодѣ, пасика будетъ не только обильна роями, (иногда удвоится), но всѣ рои, изройки и старыя пчелы или *нерои* будутъ обильны мухою — этою рабочею силою, которой чѣмъ больше въ ульѣ, тѣмъ лучше; и ежели будетъ хорошій взяткъ — медъ полетится рѣкою въ пасику, и каждый улей внесетъ его не только достаточно для своего, почти годового, существованія, но и для дохода хозяина. Въ противномъ же случаѣ, при слабости пчелиныхъ семействъ, при недостаткѣ рабочей мухи, и самый изобильной взяткъ принесетъ хозяину мало пользы, а при посредственномъ взяткѣ всѣ слабые рои и изройки подкурятся сѣрой, и удвоенная пасика вдругъ уменьшится наполовину своего весенняго количества, не принеся хозяину никакого дохода.

(VIII-е письмо въ слѣдующей книжкѣ.)
